

мировой бестселлер от автора трилогии «сосны»

Блейк Крауч

*Блейк Крауч – один
из лучших новых
авторов за много лет*

АБАНДОН

Брошенный город

Блейк Крауч

Абандон. Брошенный город

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20633920
Блейк Крауч Абандон. Брошенный город: Э; М; 2016
ISBN 978-5-699-90114-2

Аннотация

Рождественским днем 1893 года все население небольшого шахтерского городка Абандон в горах Колорадо бесследно исчезло. Все мужчины, женщины и дети словно испарились, бросив накрытыми праздничные столы в своих остывших домишках. Поисковая группа, отправленная на поиски людей, назад не вернулась. Загадка Абандона так и осталась нераскрытой, а люди нарекли его проклятым городом. И вот, через сто тридцать лет, в те края собралась новая группа, которую возглавили профессор истории и его дочь-журналистка. Теперь среди брошенных руин и снежного безмолвия гор они пытаются найти хоть какой-нибудь след, ведущий к разгадке. Им пока еще невдомек, что они здесь не одни. И что прошлое мертвого города более чем живо...

Содержание

Слова признательности	6
Четверг, 28 декабря 1893 года	8
2009	16
Глава 1	16
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	51
1893	60
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	76
Глава 10	81
Глава 11	87
2009	95
Глава 12	95
Глава 13	104
Глава 14	109
Глава 15	117
Глава 16	122
1893	132
Глава 17	132

Глава 18	135
Глава 19	140
Глава 20	149
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Блейк Крауч

Абандон.

Брошенный город

Blake Crouch

Abandon

ABANDON by Blake Crouch © 2009.

This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© Самуйлов С. Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Эйдану Краучу

На Западе прошлое очень близко. Во многих местах его все еще считают настоящим.

Джон Мастерс

Слова признательности

Путь к завершению этой книги был долог, и я обязан выразить благодарность многим людям.

Ребекке и Эйдану – за то, что поделились этой историей. Жить с писателем далеко не всегда сладко, но мы с вами – одна команда. Люблю вас обоих.

Линде Аллен – за твою дружбу и неизменную поддержку, когда я более всего нуждался в ней.

Майклу Хомлеру – за то, что толкал меня в нужную сторону и был перфекционистом, как и я сам.

Анне Коттл и Мэри Эллис Кир – за бесценные под-сказки на финальной стадии.

Джо Конрату, Греггу Гурвицу, Маркусу Сейки и Скотту Филипсу, большим писателям и замечательным людям, – за твердую поддержку, когда высота казалась недостижимой.

Дэвид Моррелл заслуживает целой страницы, но скажу так: ты – джентльмен и вдохновение, и знакомство с тобой – настоящее благословение.

Всем в моей местной писательской группе – Сюзанне Тирпак, Терри Джанттонен, Дагу Уокеру, Шэннон Ричардсон, Дайне Суон, Кейси Александр, Гейл Харрис, Нине Моутс, Хэз Сейд и Адаму Уотсону. Первым читателям: Сэнди Грин, Джордану Краучу, Клэй и

Сьюзан Крауч, Джуди Джонстон и Анне Маркард.

Салли Ричардсон, Энди Мартину, Джорджу Уитту и Келли Рэгланду – за то, что сделали все это возможным и передали меня в самые лучшие руки.

Йеруну тен Бергу – за поразительную креативность и любовь к книгам.

Майклу Ричарду, Джо Фостеру, Дуэйну Смиту, Марианне Фурьер, Арту Холланду, Карен Суэй и Клайду Гиббсу – за то, что дали ответы на вопросы, которые я не смог найти в книгах.

Дайан Серафичи и Беверли Коулман в «Роки-Маунтин паблишерс» – за уточнение цитат.

Кэрол Эдвардс – за виртуозную редакторскую правку.

Потрясающим бариста в кафе «Стиминг бин», где и была написана большая часть книги.

И наконец групповое объятие Джорданам – Джону, Рут и Йену – за вашу поддержку и дружбу.

Четверг, 28 декабря 1893 года

Там, наверху, в тысяче футов отсюда, между утесами свищет ветер; здесь же, в этом Богом забытом городишке, все как будто уснуло, и погонщик мулов понимает – что-то не так. В двух милях к югу находится шахта Бартоломью Пакера «Годсенд»¹, и установленная там перемалывающая руду двадцатипестовая камнедробилка должна наполнять каньон глухим грохотом. Громыхание работающей машины – все равно что звон монет, и остановить ее могут только две вещи: Рождество и трагедия.

Он слезает с жеребца-альбиноса. Розовые ноздри коня раздуваются, его грязная грива смерзлась. Одноподпружное седло покрыто снежной коркой, его кожаная и тканевая части – мочила и чепрак – промерзли и сделались жесткими, как камень. Он знает, как успокоить животное, – растирает Джорджу шею, говорит с ним негромко и мягко, хвалит за хорошую работу и обещает теплую конюшню, корм и свежую воду.

Погонщик открывает сумку, достает пинту самопального вискаря, купленного в винном магазинчике в Силвертоне, и заливает в себя остаток – самогон об-

¹ Godsend (*англ.*) – счастливая находка, удача.

жигает пустой желудок ледяным пламенем.

По пояс в снегу он бредет к лавке и стучит в дверь. Лампы в заведении погасли, и большая плита в углу дремлет в отсутствие обычной здешней компании – рудокопов, больших любителей потолковать за табачком и кофе. Посетитель окликает хозяина, ступая по дощатому полу, проходит между полками, мимо сложенных штабелями ящиков и пухлых джутовых мешков с сахаром и мукой.

– Джессап! Это Брейди! Ты здесь?

Когда Брейди Сайкс выходит обратно из лавки, двенадцать мулов вытягивают сухие, жилистые шеи в его направлении. Он запускает руку в карман шинели, достает жестянку «Стар нейви» и кладет за щеку кусок табака, от которого его губы и десны за последний год окрасились в темно-багровый цвет.

– Какого черта? – шепчет мужчина.

Две недели назад, когда погонщик доставил сюда припасы, жизнь в этом шахтерском городке кипела всю. Теперь же, в сумерках приближающегося вечера, Абандон лежит перед Сайксом притихший и апатичный – улицы пусты, дощатые пешеходные дорожки заметены снегом, и нигде не видно ни одного следа.

Разбросанные по нижним склонам дома занесены по самые трубы, и ни одна из них не курится дымом, воздух чист и свеж.

К одиночеству Брейди не привыкать – в пути он нередко проводит по несколько дней кряду, один-одинешенек в диких, безмолвных местах. Но с этой тишиной все не так, здесь все обман. Человек чувствует исходящую от нее угрозу и с каждой секундой все больше проникается уверенностью: здесь что-то случилось.

Стена темных туч цепляется за пики скал, и вот уже снежинки ложатся на рукава его дождевика. Приходит ветер. Над дверью лавки звякают колокольчики. Скоро ночь.

Он идет по улице к салуну, в душе еще ожидая и надеясь нарваться на красотку-барменшу, Джосс Мэддокс, и получить от нее заряд восхитительного богохульства. Но в салуне ни души. Ни немой пианистки, ни хотя бы одного клиента... Не горят керосиновые лампы, не дышит теплом пузатая дровяная печка. В кружке на сосновой стойке бара замерзло пиво.

Дорожка к ближайшему дому лежит под нетронутым снегом – на сто ярдов у Брейди уходит пять минут.

Погонщик стучит в дверь и считает до шестидесяти. Пружинная защелка не сработала, и он, переступая порог без приглашения, даже в такой ситуации чувствует себя неудобно, вторгаясь в чужие владения.

В доме темно, и ему приходится щуриться.

Под посаженной в кадку елкой, на грязном полу ва-

ляются скомканные газеты – остатки Рождества.

На грубо сколоченном столе – нетронутые обильные блюда. Такое в тесном домишке из одной комнаты едят не каждый день – это рождественский обед.

Сайкс стягивает перчатку, дотрагивается до ветчины – холодная и твердая, как руда. Рядом стоит горшок с замерзшими в бульоне бобами. Кексы на ощупь скорее похожи на пемзу, чем на губку. Две зазубренные стеклянные ножи бокалов торчат вверх: хрустальные чаши раскололо замерзшее в них вино...

* * *

Погонщик возвращается к своему вьючному обозу, останавливается посередине улицы и, медленно поворачиваясь, чтобы его слова разнеслись по всем направлениям, кричит:

– Здесь есть кто-нибудь?

В огромной, равнодушной пустоши его голос и слабеющее эхо почти не слышны. Небо мрачнеет. Снег валит и валит. Церковь на северной окраине городка исчезает в метели.

До Силвертона двадцать семь миль, и его обоз вышел в путь еще до первого света. Мулам нужен отдых. Как и ему самому после проведенных в седле шестнадцати часов. Хотя перспектива провести ночь в Абан-

доне, в этой жуткой тишине, совсем его не радует.

Решив отвести животных в конюшню, Сайкс ставит ногу в стремя – и тут вдруг замечает что-то за домами на южной окраине города. Он направляет Джорджа вперед, через глубокий снег между хижинами с декоративными фасадами, и, увидев, что привлекло его внимание, шепчет:

– Ну и дурень же ты старый!

Это всего лишь снеговик – тонкие ручки из еловых веток, сосновые шишки там, где должны быть глаза и рот, а на голове венчик вместо короны.

Погонщик натягивает поводья, поворачивает Джорджа к городу и внезапно изумленно выдыхает:

– Господи Боже мой...

Он опускает голову, пытается унять гулко заколотившееся в разреженном воздухе сердце. Потом поднимает голову – девочка, на которую наткнулся его взгляд, все там же. Ей шесть-семь лет, она бледна, как призрак, и стоит в каких-нибудь десяти футах от него. У нее черные, как паровоз, волосы и под стать им угольные глаза – темные, радужки почти сливаются со зрачками и напоминают два мокрых камешка.

– Ну и напугала ж ты меня! – охает мужчина. – Что ты делаешь здесь, совсем одна?

Девочка отступает.

– Не надо, не бойся. Я не бука. – Брейди спешива-

ется и идет к ней через снег. На ногах у нее снегоступы, и она проваливается в снег всего на фут, погонщик же тонет по пояс, и получается, что они как будто одного роста.

– Ты как? – спрашивает он. – Я уже не думал, что кого-нибудь здесь застану.

Снежинки в волосах девочки похожи на белое конфетти.

– Все ушли, – говорит она без всякого выражения, без слез, просто констатирует факт как он есть.

– И даже твои папа и мама?

Она кивает.

– А куда они ушли? Можешь показать? – продолжает расспросы погонщик.

Девочка отступает еще на шаг. Засовывает руку под серую шерстяную кофту. Одинарного действия армейский револьвер – оружие тяжелое, и в детской ручонке он комично клюет дулом вниз, поэтому она держит его, как винтовку. Ошарашенный, Брейди только смотрит, как малышка возится с курком.

– Так и быть, я вам покажу, – говорит она. Курок взведен, дуло смотрит на Сайкса, пальчик на спусковом крючке.

– А теперь постой. Подожди... – пытается он успокоить ее.

– Стойте на месте.

– Это не игрушка. Его нельзя направлять на людей.

Это чтобы...

– Убивать. Знаю. И вам сразу станет легче.

Брейди пытается придумать, как бы уговорить девушку отдать ему револьвер, но слышит выстрел и рикошетом разбегающееся по каньону эхо, и обнаруживает, что лежит на спине, окруженный снежными стенами.

В овале серого зимнего неба появляется и смотрит на него сверху вниз детское лицо.

Какого еще...

– Оно сделало дырку у вас в шее, – сообщает ему ребенок.

Он хочет сказать ей, чтобы отвела в конюшню Джорджа и мулов, чтобы накормила их и напоила. После всего, что им выпало сегодня, уж это-то они, по крайней мере, заслужили. Но в горле только булькает, а когда он пытается заговорить, то получается лишь хрип.

Девочка снова, зажмурив один глаз, направляет револьвер ему в лицо, и дуло слегка дрожит – пародия на прицеливание.

Погонщик смотрит на шквал снежинок – небо уже растворилось в синеватых сумерках, которые сгущаются прямо на глазах, и думает: «*Это день меркнет*»

так быстро или я?..»

2009

Глава 1

Эбигейл Фостер смотрела сквозь ветровое стекло на парковочный счетчик. Время давно вышло. Пальцы сжимали рулевое колесо так, что побледнели костяшки, и руки начало сводить судорогой. Месяц назад, в Нью-Йорке, когда она отдала статью Марго, своему редактору в «Грейт аутдорз», эта идея казалась ей вовсе не такой уж плохой. Теперь, перед самой встречей с ним, первой за двадцать шесть лет, Эбигейл вдруг поняла, что оказала себе дурную услугу, приукрасив и этот момент, и тот факт, что ей придется войти сюда и предстать перед ним лицом к лицу.

Часы показывали без пяти семь, что означало без пяти пять по горному времени. Фостер сидела на парковке уже двадцать минут, и он, может быть, собирался уходить, думая, что она решила не приезжать.

Хозяйка провела ее в заднюю часть бара с собственной пивоварней, который сейчас, в пять пополудни, был почти пуст. Под каблуками ее черных «лодочек» хрустела рассыпанная по полу ореховая скорлупа, а в воздухе стоял кисловато-дрожжевой запах.

Женщина открыла заднюю дверь и указала на единственный занятый столик на патио.

Эбигейл шагнула во дворик и разгладила юбку от Кавалли, купленную в прошлом году в Милане за бешеные деньги.

Ее снова одолели сомнения. Не стоило сюда приезжать. Никакая история этого не стоит.

Он сидел спиной к ней, за развернутым к западу столиком, и перед ним, распростершись на плоскогорье, лежал Дуранго², усыпанный желтыми пятнышками тополей и осин, обрамленный глинистыми холмами, местами поросшими сосной, а местами голыми. Еще дальше виднелись еловые леса и остроконечные, зазубренные пики гор Сан-Хуан.

Стук двери привлек его внимание. Он оглянулся через плечо и, увидев ее, развернул стул спинкой к столу, и поднялся – высокий, крепкий, с вьющимися серебристыми волосами, одетый так, словно только что сошел со страницы журнала «Бэкапкер»: клетчатая рубашка «Патагония», удобные джинсы, браслет «Ливстронг», сандалии «Тесла»...

Живот снова скрутило. Эбигейл заметила, что левая рука у него дрожит, и он, чтобы унять ее, взялся за стул.

² Имеется в виду город в штате Колорадо, на границе с округом Сан-Хуан в штате Нью-Мексико.

– Привет, Лоренс, – сказала она негромко.

Она знала, что ему пятьдесят два, но выглядел он даже лучше, чем на фотографии на сайте исторического факультета.

Ни рукопожатия, ни объятий – только пять секунд самого мучительного из всех, что ей довелось испытать, зрительного контакта.

Опустившись на стул, Фостер насчитала на столе три пустые кружки и подумала, что немного спиртного, пожалуй, не помешало бы и ей самой – собраться с духом перед этой встречей.

Порывшись в сумочке, Эбигейл нашла солнцезащитные очки. Был Хэллоуин, и, хотя воздух уже дышал холодком, на такой высоте сидеть на открытом воздухе, под прямыми лучами солнца было вполне приятно.

– Рад, что ты приехала, – сказал Лоренс Кендал.

К столу подошел одетый, как гавайский танцовщик, официант.

– Выпьешь пива? – предложил снова усевшийся за стол мужчина.

– Конечно, – кивнула Фостер.

– У них здесь большой выбор и...

– Мне все равно. Что-нибудь легкое.

Лоренс повернулся к официанту.

– Принесите ей «Рок хоппд пейл».

– Минутку.

Где-то в долине свистнул паровоз. Эбигейл увидела вдалеке перышко дыма и услышала, как натужно запыхтел клапанами поезд, идущий на юг через центр города.

* * *

– У меня ничего с собой нет, никакого туристического снаряжения, – сказала она.

– Скотт тебя соберет, – пообещал Кендал.

– Кто такой Скотт?

– Наш проводник.

Неловкое молчание как будто забралось под кожу.

– Симпатичный у вас тут городок, – попыталась нарушить его журналистка.

Все шло совсем не так, как ей представлялось. Она прокрутила в своем воображении множество самых разных вариантов, и все они получались более драматичными и серьезными. Она накричит на него. Ударит. Они оба расплачутся. Он попросит прощения. Она простит. Или не простит. Теперь Эбигейл понимала, что ничего этого не будет. Они – просто два человека, оказавшихся за одним столиком и пытающихся преодолеть неловкость.

– Мне вот любопытно. Столько прошло времени, и

теперь ты связываешься со мной, – сказала Фостер.

– Я следил за твоей журналистской карьерой, регулярно выписывал все журналы, с которыми ты сотрудничала, и подумал, что эта... экспедиция... может дать хороший материал для твоего...

– Но ты ни разу, с тех пор как мне исполнилось четыре года, не выказал желаний помочь.

Лоренс неторопливо допил свое темное пиво, посмотрел на горы, вытер пену с бороды.

– Получилось злее, чем... – сказала Эбигейл.

– Нет, нормально. У тебя есть все основания злиться.

– Я не злюсь.

Дверь открылась, и вернулся официант – с пинтой для Эбигейл и еще одной кружкой для Кендала.

Когда он ушел, она подняла свою.

– За наше прошлое! – Голос ее звучал ровно и твердо. – На хрен его.

Ее собеседник усмехнулся:

– Так вот просто, а?

– Ну, притвориться-то можно...

Они чокнулись. Эбигейл сделала глоток своего золотистого.

– Так зачем ты приехала? – спросил Лоренс. – Сказать по правде, я и не ждал ответа на тот имейл.

– Забавно. Я вот только что сидела в машине, на-

биралась сил, чтобы войти сюда, и сама пыталась ответить на этот же вопрос...

Солнце нырнуло за горы, и Фостер поежилась. Скалистые склоны и снежные поля окрасились розоватым отблеском невидимых лучей.

Глава 2

В половине пятого следующего утра Эбигейл спешила через парковку «Даблтри» к вместительному «Субурбану», возле которого в желтовато-болезненном мигающем свете фонаря стояли четверо. Воздух дышал ароматом влажной полыни, неподалеку, за отелем, невнятно бормотала что-то река Анимас...

Все четверо повернулись на звук шагов, и ее взгляд, метнувшись сначала к отцу, остановился на невысоком, по плечо Лоренсу, мужчине рядом с ним. У него была гладко выбритая голова, борода с едва начавшей проступать сединой и серые, под стать ей, глубокие, задумчивые глаза.

– Эммет Тозер, – представился он, пожимая ей руку. – Полагаю, за эту прогулку полностью ответственны мы. Лоренс любезно согласился взять нас с собой, поделиться опытом...

– Эбигейл Фостер, журналист-фрилансер. – Она повернулась к женщине, державшей Эммета за руку. – Джун Тозер?

Джун взяла ее руку обеими своими и приветливо улыбнулась.

– Рада познакомиться с вами, Эбигейл.

Невысокая, около пяти футов ростом, с полоской

седины, проходящей ровно посередине спускающихся до подбородка каштановых волос. Ее пальцы как будто испускали теплую, позитивную энергию, и Фостер ощутила легкое покалывание, словно через них пропустили слабый ток.

– А я – Скотт Сойер, – улыбнулся ей еще один мужчина. – Владелец «Хинтерлэндс инкорпорейтед». Буду вашим проводником в этом путешествии.

Пожимая мозолистую руку этого красивого мужика в футболке «Фиш» и рваных штанах цвета хаки, Эбигейл мгновенно прониклась к нему симпатией, которая, как она почувствовала, не осталась неразделенной. Он был молод, пожалуй, около тридцати, и у него были выгоревшие на солнце волосы. И под его скудным нарядом скрывалось крепкое, закаленное тело человека, не привыкшего засиживаться дома.

* * *

Выехали они затемно и не успели выбраться из Дуранго, как Эбигейл снова уснула. Спала она крепко, а когда проснулась, «Субурбан» уже карабкался вверх по крутой скалистой дороге. Скотт и Лоренс вполголоса разговаривали о чем-то на переднем сиденье. Журналистка сглотнула, заложенные уши тут же отпустило, и в них ворвались натужный стон мотора и

хруст камешков под шинами. Эбигейл выпрямилась и протерла глаза. Часы на панели показывали 6:01. Небо посветлело в ожидании рассвета. Они ехали через каньон по узкой, бегущей вдоль реки однополоске.

Наконец Скотт повернул к краю лужайки и остановился возле помятого, со следами ржавчины «Бронко», давно утратившего свой изначальный цвет. При всей своей ветхости «старичок» ухитрялся тащить по дороге трейлер. Выбравшись из машины вслед за Эмметом и Джун, Эбигейл услышала негромкое журчание реки.

«Субурбан» втиснулся на свободное место. Дыхание слетало с губ облачками пара в напоенный хвойным ароматом воздух. Водительская дверца «Бронко» со скрипом открылась, и на прихваченную морозцем траву ступил высокий мужчина с густой, не считая нескольких проплешин, бородой и рыжевато-каштановыми волосами, собранными сзади в хвост.

– Знакомьтесь, – сказал Скотт. – Джеррод Спайсер, мой верный помощник. Отличный турист, так что не сомневайтесь, вы в надежных руках.

Джеррод зевнул.

– Извините. Никак не дождусь, когда же кофе подействует. – Обойдя трейлер, он открыл задние дверцы. – Гюнтер, Джеральд, пора за работу.

Эбигейл улыбнулась – две ламы, выйдя из трейле-

ра, тут же принялись неспешно пощипывать травку. Подойдя к одной из них, черной, она протянула руку, но животное отпрянуло, явно оскорбленное такой фамильярностью.

– Я бы поостерегся, – предупредил ее Сойер. – Гюнтер плюется. – Он открыл заднюю дверцу внедорожника. – А вот если вы подойдете сюда, то мы, пожалуй, постараемся экипировать вас к походу.

Наблюдая за тем, как Скотт выгружает поклажу для лам, Фостер услышала звук поднимающегося из каньона автомобиля. Через несколько секунд из-за поворота вынырнул серовато-зеленый «Форд Экспедишн» с сиреной на крыше. Свернув с дороги, он выкатился на лужайку и остановился. Обе дверцы украшала броская надпись «СЛУЖБА ШЕРИФА. ОКРУГ САН-ХУАН». Вышедшая из машины женщина – изящная, миловидная, с ясными глазами и длинными, заплетенными в косички каштановыми волосами – направилась к собравшейся у трейлера группе.

– Доброе утро. – Она притронулась двумя пальцами к краю своей ковбойской шляпы. На ее черной парке выделялась звезда шерифа. – Вы уже готовы?

– Да, – ответил Скотт, подтягивая вьючный ремень. Шериф нацелила на него палец.

– Вижу, у вас с собой удочка, – прищурилась она. – Не против, если я взгляну на вашу лицензию?

– Конечно, нет. – Сойер подошел к женщине, достал бумажник из кармана потрепанных штанов и развернул его.

Шериф кивнула.

– Вы, я смотрю, далеко собрались, – заметила она.

– Да, не близко, – подтвердила Джун. – Сколько там будет, Скотт?

– Семнадцать миль, – отозвался проводник.

– Да, семнадцать миль. До города-призрака...

– Как вас зовут, шериф? – вмешался Лоренс. – У меня такое чувство, что мы с вами встречались.

– Дженнифер. А вас?

– Лоренс Кендал. Часто бываете в Дуранго?

– Только по необходимости. – Женщина посмотрела на него, чуть склонив набок голову. – А где, по-вашему, мы могли встретиться?

– Не помню, но ваше лицо кажется мне знакомым.

– Не думаю, что мы встречались, у меня хорошая память на лица. – Шериф обвела взглядом путешественников. – Что ж, надеюсь, страховка есть у всех.

– Есть, – заверил ее Скотт. – Я – проводник и настоял, чтобы все ее купили.

– И куда вы их ведете? – поинтересовалась Дженнифер.

– Ущелье Гризли.

– А вот она, по-моему, упомянула город-призрак, –

шериф кивнула на Джун. – В ущелье Гризли, насколько мне известно, никаких руин нет. – Теперь она смотрела на Сойера – в упор, не мигая.

Эбигейл внимательно наблюдала за Скоттом. Проводник нервно сглотнул.

– Вообще-то мы идем в Абандон, – признался Эммет.

– И чем вы планируете там заняться? – все еще не спуская глаз с Сойера, спросила Дженнифер.

– Пофотографировать. Мы с женой снимаем паранормальные места. Если что-то получится, может быть, зимой устроим выставку в Сан-Франциско.

– Если вы всего лишь собираетесь пофотографировать, врать совсем ни к чему, – сказала шериф, попрежнему обращаясь к Скотту.

Тот кивнул.

– Других планов у вас нет? – продолжила расспросы Дженнифер.

– Нет, конечно.

– И у вас есть разрешение на посещение Абандона?

– У них есть, – кивнул проводник на супругов Тозеров.

Дженнифер повернулась к ним.

– Можно взглянуть?

Эммет достал из кармана куртки конверт и протя-

нул его шерифу. Та просмотрела бумаги и удивленно воскликнула:

– Ух ты, групповое разрешение! Такие выдаются нечасто...

– Мы добивались его три года, – объяснил Тозер.

Дженнифер вернула ему конверт и еще раз обвела взглядом всю группу, словно запоминая и отправляя каждого в некий банк памяти.

– Надеюсь, все пройдет благополучно. – Она снова коснулась края «стетсона» двумя пальцами, после чего повернулась и зашагала к «Форду».

Наблюдая за тем, как Дженнифер садится в машину, трогается и продолжает путь вверх по каньону, Эбигейл заметила кое-что, но не придала этому значения и тут же забыла. Она вспомнит об этом через полтора дня – и пожалеет, что не обратила на случившееся должного внимания.

А заметила она короткий взгляд, которым обменялись Скотт и Лоренс. Взгляд, в котором, как ей показалось, промелькнуло облегчение.

Глава 3

Первые два часа они выбирались из каньона по дороге, напоминавшей американские горки и проходившей через еловый лес. Сидящая сзади, между Эмметом и Лоренсом, Эбигейл пыталась привыкнуть к разреженному воздуху высокогорья. В какой-то момент, когда лес расступился, она оглянулась и увидела дорогу, по которой они ехали из Силвертона, – извилистую бурую ленту футах в восьмистах под ними. На следующей остановке никакой реки поблизости уже не было, как не было и ветра – только стучало в ушах задыхающееся от нехватки кислорода сердце.

В полдень они пересекли открытое пространство: широкое поле, заросшее сухой, пожелтевшей травой и разбросанными тут и там линиялыми цветами аквилегии, люпина и индейской кастиллеи. Вдалеке уже виднелись горы Сан-Хуан – желтовато-коричневые под лучами солнца, серые в тени, с лохмотьями старого снега на остроконечных пиках. Небо сияло синевой.

Скотт привел своих подопечных к началу широкой долины, и они вошли в редкий сосновый лес с залитой солнцем игольчатой подстилкой. Чем выше, тем чаще среди орегонских сосен встречались ели, и вскоре они

снова оказались в чисто еловом лесу. Эбигейл заметила, что после завтрака они идут уже не по дороге, а следуют каким-то другим маршрутом.

Во второй половине дня путешественники прибыли к небольшому озеру, и Скотт сказал всем снять рюкзаки. Фостер прислонилась к трухлявому пню; без ноши за спиной она ощутила такую легкость, что могла бы, наверное, лететь. Выйдя на бережок, журналистка опустила на колени и побрызгала водой на разгоряченное лицо. От холода у нее даже перехватило дыхание. Эбигейл села на траву, достала бутылку с водой и сделала несколько глотков. Берег окаймляли высокие ели, и озеро, словно зеркало, отражало и их, и высокое голубое небо. Вода казалась темно-зеленой, а у самого дна, над светлыми камешками, бесшумно скользил угорь.

Подошедший Джеррод Спайсер принес Фостер бумажный пакет с ланчем – сэндвич, яблоко и батончик «Клиф».

– Как держитесь? – поинтересовался он.

– Ощущение такое, словно дышу через соломинку, и бедра болят от рюкзака.

– Я подтяну лямки перед выходом. Вы хорошо справляетесь.

Заслонившись ладонью от солнца, Эбигейл подняла голову и посмотрела на Джеррода. Ей нравилось

его лицо, приятные черты которого не скрывала борода. А еще он был выше Скотта и сложен даже лучше, чем проводник. Но ее внимание привлекли шрамы – две бледные полосы, идущие вверх от уголков рта Спайсера и имеющие форму полумесяца. А вот рассмотреть как следует его глаза у девушки не получилось. Утром, до того как солнце заставило всех надеть темные очки, ей показалось, что они у него разные. И они напомнили ей что-то – только вот что? Глубокие, пронзительные, эти глаза словно несли в себе некое тяжкое бремя, не имеющее отношения к сегодняшнему дню.

Джеррод понес ланч Эммету и Джун, а Эбигейл развернула сэндвич с арахисовым маслом и виноградным джемом и съела его, глядя на пощипывающих травку лам.

Лагерь устроили на высоте двенадцать тысяч футов, на поляне, достаточно просторной, чтобы вместить пять палаток. До верхней границы леса оставалось лишь несколько сотен футов. Сам лес представлял собой жалкое смешение голубых елей и альпийских пихт, искалеченных несколькими следовавшими одна за другой жестокими зимами. Скотт настоял на том, чтобы все переоделись в сухое белье, чтобы избежать возможного переохлаждения. На установку палаток ушло полчаса, а потом проводники по-

казали всем, как надуть туристический коврик и где поместить поклажу.

До наступления сумерек еще оставалась пара часов, и Эбигейл, надев флисовые штаны, телогрейку и парку, вышла из палатки. Джун и Эммет стояли неподалеку, наблюдая за тем, как Джеррод устраивает bivачный костер. Лоренс похрапывал в своей палатке, а Скотт рылся в огромном компрессионном мешке, наполненном – на это оставалось только надеяться – настоящей едой, а не ерундой вроде питательных батончиков.

– Я бы хотела воспользоваться дамской комнатой. Как будем выходить из положения? – поинтересовалась Фостер, подходя к нему.

– Туалет я еще не распаковал, – пожал плечами мужчина.

– Правда? У вас есть переносной... – Журналистка не договорила, заметив ухмылку собеседника.

– Никогда не ночевали в лесу? – догадался он.

– Нет.

– Ну, тогда и беспокоиться не о чем. Туалет здесь за каждым деревом.

Девушка обольстительно улыбнулась и показала ему средний палец.

Уединилась Эбигейл за голубой елью. На часах, все еще показывавших манхэттенское время, была половина седьмого, и ее мысли перенеслись туда же, к Вив и Джен. Будь это любое другое воскресенье, она бы уже позанималась в спортзале, приняла душ и, как сумасшедшая, неслась бы на встречу с ними в «Зинк бар»...

Пока что все в этом походе складывалось не совсем так, как ожидалось. Разреженный воздух, холод, десять миль за спиной и все самое трудное, оставшееся еще впереди. Фостер-то думала, что попадет в свою стихию, но теперь ненавидела все – батончики «Клиф», злобных, вонючих лам... И вот теперь день скатывался в ночь, а она даже не могла рассчитывать на теплую постельку, и это ужасно ее угнетало. *Я – городская девчонка. Да кто бы в этом сомневался!* Сидя на корточках с голой пятой точкой, Эбигейл обзревала долину. Там же, внизу, лежало и золотистое в предвечерних лучах поле, то самое, которое они пересекли несколько часов назад. Она уже натягивала штаны, когда увидела вдалеке, может быть, возле озера, у которого они останавливались на ланч, поднимающуюся из леса струйку дыма. Возвращаясь

к костру, Эбигейл с облегчением подумала, как все-таки хорошо, что они здесь не совсем одни.

Глава 4

Фостер прислонилась к елке. Внизу, в овражке, шел вверх по течению Скотт: он только что миновал развилку и, размахнувшись, бросил в воду леску. Ярко-зеленая ниточка блеснула паутинкой в предвечернем свете, описала над камнями что-то вроде буквы S, и крючок с наживкой упал в небольшую заводь. Закатав штанины, проводник стоял по колено в воде, без рубашки, в расстегнутой телогрейке. Тихонько спустившись к берегу, Эбигейл с минуту слушала убаюкивающее журчание речушки.

– Не холодно? – спросила она.

– Холодно, – не оборачиваясь, отозвался рыбовод. – Но тут есть один маленький секрет.

– И какой же?

– Не обращать внимания.

Мужчина резко поднял удилище, и из воды выскочила и снова шлепнулась в поток форель. Леска напряглась, удилище изогнулось, и Соьер вытащил улов на берег – двенадцатидюймовую рыбку, розовые жабры которой отчаянно трепыхались в меркнувшем свете. Он аккуратно освободил крючок и ударил форель о камень. Она затихла, и рыбак положил ее в холщовый мешок.

– Поправьте меня, если я не права, но вы, по-моему, среагировали еще до того, как поплавок дернулся? – спросила девушка.

– Точно. Удивительно, что вы заметили! Видите ли, стоит чуть опоздать, и она распознает ловушку и уйдет.

– И как же вы определяете нужный момент?

– Надо поймать ее, когда она подходит к мушке, и как только та исчезнет, подтянуть леску.

– Совершенно не поняла, что вы сказали, но наблюдать все равно интересно.

Скотт вышел на берег, опустился на мягкую мховую подстилку и открыл коробочку с самыми разнообразными «мушками»-приманками. Эбигейл, оказавшись достаточно близко от него, смогла прочесть татуировку, кольцом опоясывающую его руку над бицепсом: «МАРИЯ 2.11.78 – 5.15.04 RIP».

Склонившись над рекой, она зачерпнула пригоршню ледяной воды и уже поднесла ее ко рту, но тут проводник вдруг крикнул:

– Нет!

Фостер оглянулась и разжала пальцы.

– Обратили внимание на камни вдоль берега ниже развилки? – спросил ее Сойер.

– Вы про то, что они покрыты оранжевыми водорослями?

– Это не водоросли, а минеральные отложения, визуальный маркер рек с высоким содержанием металла – цинка, алюминия, свинца.

– Другими словами, вода здесь ядовитая?

– Да. Поэтому я и рыбаку выше того притока. Возможно, он идет от старой шахты. – Скотт поднял удочку. – Так что, хотите попробовать? Посмотрим, получится ли у вас выловить что-нибудь.

Минут через пять, когда они стояли рядом у воды, журналистка подумала, что похожих слащавых сценок немало в фильмах, где хороший парень показывает девушке, как обращаться с бильярдным кием. Копируя его движения, касаясь его тела, она невольно вспомнила череду своих недавних нью-йоркских мужчин, прекрасных метросексуалов-неудачников. Сойер не имел ничего общего с теми заурядными охотниками за удовольствиями, к которым ее постоянно тянуло, и сейчас, впервые после отъезда из Нью-Йорка, ей не хотелось оказаться дома.

* * *

Потом они сидели у костра и ели форель, поджаренную на углях и сдобренную свежими специями. Был еще овощной суп с багетом и подогретые над огнем, фаршированные сыром зеленые перчики-чили.

Лоренс к тому же ухитрился притащить с собой упаковку пива «Пабст блю риббон». В конце концов все согласились, что давно уже не едали так вкусно.

После ужина каждый долго, до окоченения, мыл свою посуду в ледяной воде, а Джеррод тем временем разворошил костер так, что огонь взметнулся высоко вверх. Устроившись на складном стуле и вытянув уставшие ноги, Эбигейл заметила выскочившие на бедрах волдыри. Она подняла голову – над костром, отрываясь от пламени, проплывали между лапами елей и устремлялись в ночное небо чешуйки пепла.

Кендал достал из кармана шерстяной куртки флягу и протянул ее Джун. Та отвернула крышку, сделала пару глотков и передала флягу мужу.

Над головой Скотта собралось облачко дыма.
– Кто еще желает десерт? – спросил он.

Виски обожгло горло. Фостер отпила еще немного и с благодарностью отметила, как спиртное приглушило боль, которой ее тело отозвалось на десятидневное путешествие.

Лоренс, захмелев, снова почувствовал себя профессором и принялся читать лекцию об истории города-призрака, приводя цитаты из дневника женщины по имени Глория Кёртис, жившей когда-то в Абандоне. Но Эбигейл слушала плохо и следующие полча-

са думала о чем-то своем, а когда отвлеклась от собственных мыслей, он говорил уже о некоем мужчине, приехавшем в Абандон в январе 1894 года на поиски пропавшего младшего брата, погонщика мулов Брейди Сайкса, и обнаружившем город умолкшим и обезлюдившим – над трубами не вился дымок, и даже дробилка руды не работала.

– Дома стояли пустые. Люди просто собрали пожитки и ушли. Все сто двадцать три живые души просто взяли и исчезли на самое Рождество, – говорил Кендал.

– Так что же случилось с братом погонщика мулов? – спросил Эммет.

Лоренс выдохнул облачко дыма.

– Он поступил ровно так, как и любой из нас на его месте. Унес оттуда свою задницу. А еще через несколько дней дал интервью «Силвертон стандарт энд майнер». Сказал, что перепугался до чертиков, что чувствовал себя там как-то странно, будто в городе завелись призраки, будто там побывал сам дьявол. Все подумали, что найдут останки жителей Абандона летом, когда сойдет снег, но не нашли ничего, даже ни одной кости.

– Какой облом! – сказал Скотт.

– Так что, по-твоему, случилось? – спросил Тозер.

– С городом? – уточнил Лоренс.

– Да.

Профессор вздохнул, задумался на секунду, а потом, понизив голос, доверительно сказал:

– Я ни с кем этим не делился...

Эммет и Джун едва заметно наклонились вперед.

– Но думаю, их всех забрал большой космический корабль пришельцев, – закончил фразу отец Эбигейл.

– В самом деле? – изумилась миссис Тозер.

Лоренс улыбнулся.

– А, шутите! – пробормотал Эммет.

– Извините, но и вы поймите меня, – развел руками Кендал. – Меня, наверное, тысячу раз спрашивали, что случилось с Абандоном, а я просто не знаю ответа. Кое-кто – есть такие чокнутые – считает, что всех жителей города похитили инопланетяне или же там произошло нечто сверхъестественное.

– А как насчет вируса? – спросила Джун.

– Этого добра и в девяностые годы девятнадцатого века хватало, но отравление свинцом представляло для жителей Абандона куда большую угрозу, чем какая-либо эпидемия, учитывая тот факт, что источники их питьевой воды находились в тех горах. Однако даже если допустить, что город стал жертвой некоего супервируса, остается вопрос: а где останки? При отсутствии костей нетрудно понять, как у кого-то появляются сверхъестественные объяснения.

– Даже у вас? – спросил Эммет.

– Сказать по правде, своя теория у меня есть, но я ни с кем ею не делился и делать этого не планирую.

Скотт поднялся, снял висевший на дереве мешок с водой и залил костер.

Угли зашипели, клубы пара взметнулись вверх, и воздух тут же дохнул холодком.

– Извините, но завтра рано вставать, – обратился проводник к своим подопечным.

Все пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по палаткам. Остались только Лоренс и Эбигейл. Потом, заметив, что никого уже нет, она тоже поднялась.

– Спокойной ночи.

Глядя на последний тлеющий уголек, Кендал поскреб седую бороду.

– Посиди со мной немного, – не поднимая головы, попросил он.

– Я бы посидела, правда, но устала и уже замерзла.

– Эбигейл...

– Что?

– Я только хотел...

– Знаю. Но прямо сейчас я не могу, понимаешь? Не готова.

Полянка, на которой расположился лагерь, находилась футах в пятидесяти от опушки. Фостер хотела

было отойти по малой нужде, но перспектива садиться на корточки где-то там, в темноте, представлялась ей еще менее привлекательной, чем вариант с переполненным мочевым пузырем. Она забралась в свою одноместную палатку, заползла в холодный спальный мешок, свернулась калачиком, застегнула «молнию» и собрала в хвост длинные черные волосы. От них воняло древесным дымом. Даже короткой прогулки от костра до палатки хватило, чтобы у журналистки участился пульс, и теперь в висках у нее гулко стучало. Но потом сердце успокоилось, и наступила тишина. В Нью-Йорке, даже по уик-эндам, когда она лежала в постели в своей студии, в тишине обязательно присутствовали звуки – вой сирен, шум центрального отопления, гул холодильника... Здесь же тишина была полной, абсолютной, как вакуум. И от этого девушке было не по себе.

Поскольку ни дождя, ни снега в эту ночь не предвиделось, натягивать над палатками тент проводники не стали. Двускатный потолок в палатке был сетчатым. Высунувшись из спального мешка, журналистка отстегнула одну его секцию и изумленно ахнула. За открывшимся окном лежал четырехугольник ночи, подобной которой она еще ни разу не видела. Усеянное яркими, мерцающими звездами небо как будто тлело угольками космического костра. Эбигейл не помнила,

когда в последний раз видела звезды, и даже не представляла, что их может быть так много.

Она уже засыпала, когда неподалеку по траве прощуршали шаги – ее отец брел в свою палатку. Почему он выбрал для себя такую вот жизнь? Да, для своего возраста он выглядел совсем даже не плохо, но был ли счастлив? Кого выбирал в друзья? С какими женщинами водился? Перед поездкой в Колорадо Фостер все же набрала в «Гугле» его имя, но нашла лишь короткую биографию на веб-сайте колледжа Форт-Льюис. В Интернете Лоренс явно ограничился скромным присутствием.

Усталость брала свое. Девушка согрелась в спальном мешке и даже уловила в тишине неясное бормотание реки.

Девять метеоров прочертили четырехугольник неба, прежде чем сон сморил ее окончательно. И, несмотря на все разговоры у костра о загадочной судьбе жителей Абандона, самой большой тайной для нее по-прежнему оставался человек, посапывавший в одиночестве в палатке, в двадцати футах от нее.

Глава 5

Эбигейл открыла глаза. За ночь пар от ее дыхания отложился на спальном мешке тонкой ледяной корочкой. В других палатках уже ворочались и шевелились, а еще дальше потрескивало что-то похожее на костер.

Она зашнуровала ботинки и выбралась наружу. Часы показывали 8:23, что означало 6:23 по местному времени. Лужайку вместе с палатками укрывал густой туман. В сторонке, неподалеку, паслись ламы. От свежего воздуха защекотало в горле.

После короткой прогулки к уже облюбованной ранее синей ели Фостер направилась к костру. Оказалось, что встал один только Джеррод. Он и протянул ей кружку горячего, с дымком, кофе.

– С чем будете? – поинтересовался мужчина.

– Предпочитаю черный.

Кофе был горячим и густым. Подойдя поближе к костру, Эбигейл с любопытством наблюдала за тем, как проводник устанавливает еще одну газовую плиту. Пока вода закипала, он разложил по пластиковым чашкам пакетики с овсянкой и добавил сушеные фрукты и шоколадную крошку.

– А где Скотт? – спросила журналистка.

– Помогает Эммету. Ночью, часа в три, парню стало нехорошо, открылась рвота. Может быть, это высотная болезнь. Скотт дает ему «Диамокс». Важно не допустить обезвоживания. Но ничего страшного, с Эмметом все будет в порядке. Эта штука прочищает быстро и хорошо.

– Я могу чем-то помочь?

Спайсер посмотрел на нее, и их взгляды на секунду встретились.

– Нет, я уже заканчиваю. Но все равно спасибо. – Проводник очистил два банана и начал нарезать их швейцарским армейским ножом. Наблюдая за ним, Эбигейл обратила внимание на свисающий с его шеи солдатский идентификационный жетон.

* * *

Лагерь свернули уже через час. Эммет был еще слаб, но чувствовал себя лучше. Его поклажу проводники распределили между собой. Чем выше, тем мельче и суше становились ели, и на некоторых из них совершенно не было ветвей с наветренной стороны.

Лес постепенно сменялся горной тундрой – кустарники, трава и камни, облепленные черными и желтыми лишайниками. Путники шли цепочкой, не растягиваясь. В авангарде – Скотт и ламы, замыкающим –

Джеррод.

Граница распространения леса осталась позади, и теперь по обе стороны, справа и слева, высились крутые скалистые стены.

Держа курс на перевал, группа вышла на каменистое поле. Там не было ни травинки, ни былинки – только огромные разбитые валуны, сползшие сверху под собственным весом и наполняющие верхние ярусы круглой впадины странными, звякающими звуками. На некоторых камнях были видны заполненные водой выщербины. Из-под ног резво выскакивали и разбегались черные пауки.

Едва Эбигейл успела подумать, что эти громадины напоминают готические соборы с их башенками и дымоходами, как где-то вверху раздался грохот: один из валунов сдвинулся с места и устремился вниз, раскалываясь по пути на куски.

– Всем лечь! – крикнул Скотт. – Голову закрыть рюкзаком!

Вся компания припала к земле, с ужасом глядя на несущиеся сверху, подпрыгивающие и разваливающиеся камни.

Фостер зажмурилась.

– Нет, нет, нет! – успела прошептать она, прежде чем одна часть камней умчалась вниз, а другая разбилась о здоровенный, с автобус величиной, валун фу-

тах в пятнадцать от нее.

И снова наступила тишина. В воздухе запахло кордитом.

– Все целы? – крикнул Сойер.

Эбигейл подняла голову – рядом, закрыв глаза и стиснув зубы, дрожал всем телом Джеррод.

* * *

Ближе к перевалу валунное поле стало круче, и подниматься приходилось едва ли не на четвереньках, то и дело опираясь на руки. Тяжелый рюкзак, смещаясь, тянул то в одну, то в другую сторону. Поглядывая на лам, Эбигейл завидовала их ровному, уверенному шагу.

Дальше путь лежал по выступам.

– Не торопитесь! – крикнул Скотт. – Этот участок очень опасный. Ступайте осторожно. Если почувствуете, что начинаете паниковать, дайте знать. Мы поможем. Сосредоточьтесь на том, что над вами, и не смотрите туда, куда вам не надо. То есть вниз.

Ширина уступов варьировалась от четырех до шести футов. Делая шаг вперед, Эбигейл опиралась левой рукой о скалу и лишь затем переносила другую ногу. Получалось у нее медленно, и другие путешественники ушли далеко вперед.

На третьем подъеме журналистка допустила ошибку: глянула вниз. Ей и в голову не приходило, что они поднялись на такую высоту, и теперь от вида уходящего далеко вниз поля с валунами у нее моментально закружилась голова, а в животе словно взмахнули острыми как бритва крылышками сотни бабочек. Колени сделались ватными. Мир покачнулся, и Эбигейл повело к краю. Джеррод схватил ее за руку и потянул назад.

Она осела на землю.

– Эбигейл... – осторожно позвал ее Спайсер.

– Не могу дышать.

Проводник опустился рядом с ней на колени.

– Всё в порядке. Это обычная гипервентиляция. Закрой глаза и несколько раз глубоко вдохни.

Эбигейл последовала его совету, и головокружение действительно вскоре прошло. Она открыла глаза, и мир уже не качался из стороны в сторону.

– Ты меня спас.

Джеррод достал из рюкзака моток веревки.

– А это зачем?

– Дальше, до вершины, пойдем в связке. Встать можешь?

Она поднялась, и Джеррод, перехватив ее сзади веревкой, начал обматывать ее бедра и талию.

– Можно вопрос? – спросила Эбигейл.

– Конечно. – Спайсер затянул веревку у нее на поясе.

– Тебе сколько лет?

– Тридцать семь.

– Был в Ираке?

Джеррод остановился, не закончив узел, и повернул собеседницу лицом к себе.

– Вообще-то да. – В его голосе зазвучали настороженные нотки. – А как ты узнала?

Эбигейл бросила взгляд вниз – через заваленное валунами поле, к сверкающему вдалеке озеру, возле которого они останавливались накануне.

– Твой жетон подсказал.

– А, ну конечно...

И кое-что еще. Особенно твоя реакция на камнепад. Пару лет назад, готовя для «Таймс» статью о солдатах с посттравматическими стрессовыми расстройствами, Фостер общалась со многими ветеранами и хорошо знала симптомы этого синдрома. Сомневаться не приходилось – Джеррод тоже страдал от ПТСР. Это было у него в глазах.

* * *

В полдень они вышли на перевал под названием Пила – узкий, продуваемый ветром проход в амфи-

театре скал, занесенный прошлогодним, хрупким, как кристаллики соли, снегом и лежащий на высоте в тринадцать тысяч футов.

Здесь они сняли рюкзаки и, укрывшись от ветра, устроили привал.

С того места, где сидела Эбигейл, открывался вид на другую сторону перевала – глубокий, в две тысячи футов, спуск в вертикальный каньон. В дальнем его конце она даже разглядела руины бывшего прииска. А еще дальше, примерно в миле от шахты, на фоне леса виднелись какие-то темные пятнышки.

– Доктор Кендал! – крикнул Эммет.

Лоренс, исследовавший углубление в скале в конце выступа, высунул голову и оглянулся. Тозер помахал ему рукой, и профессор подошел и опустился на корточки рядом с ним.

– Что это там за пятнышки? – спросил, указывая вниз, Эммет.

– Это и есть Абандон.

Эбигейл достала телефон. Тот на секунду завис, но потом все же поймал сигнал.

Она позвонила матери – рассказать, какая здесь красота.

Глава 6

Весь следующий час они спускались по осыпному склону и к двум часам добрались до развалин «Годсенд», прииска Бартоломью Пакера. Камнедробилка выглядела так, словно вот-вот обрушится. Доски выгнулись и торчали во все стороны, и среди куч мусора гордо высился лишь один непреклонный чугунный пест.

Путешественники шли по старой обозной тропе, когда с запада надвинулись тучи. Залежавшийся на стенах каньона снег стекал мутными потоками, заполняя колеи грязной, хлюпающей под ногами кашицей.

Впереди лежала заросшая травой полоса, по обе стороны которой стояли, скособочившись, ветхие строения – все, что осталось от Абандона. Главная улица городка пролежала по середине каньона и тянулась примерно на двести ярдов. Проходя мимо домов с декоративными фасадами, многие из которых не устояли под бременем лет, Лоренс указал на здание с шестью балкончиками.

– Здесь был местный квартал красных фонарей, – рассказал он своим спутникам. – За каждым балкончиком находилась крохотная комнатунка. Проститутки стояли на балконах и всячески старались заманить

проходивших мимо потенциальных клиентов.

– А откуда у города такое название? – поинтересовалась Джун.

– Поначалу Барт Пакер дал ему другое имя, Хоуп, но один из шахтеров – парень, по-видимому, начитанный и не питавший теплых чувств к этому далекому каньону, начал в шутку называть городишко Абандоном³. Это название и прижилось, – объяснил профессор.

– А это что? – спросил Эммет, указывая на давно обрушившееся здание на другой стороне улицы. – Видите ту металлическую штуквину вон там?

Лоренс подошел ближе и пригляделся к руинам.

– Здесь, – сказал он, – была пробирная палата. Пробирщик оценивал для старателей представленные образцы руды и выносил свое заключение относительно содержания в них металла. А этот кусок металла – возможно, часть котла. Поройтесь как следует в этой куче и, держу пари, найдете старые тигели и все такое.

Затем группа прошла мимо кузницы, от которой осталась только груда сгнивших досок и наковальня, танцзала и магазина с упавшей на крыльцо вывеской – «ДАМЫ ОБСЛУЖИВАЮТСЯ С ОСОБЫМ ВНИМАНИЕМ».

³ Хоуп (англ.) – надежда, Абандон (англ.) – покинутый, брошенный.

Продолжая экскурсию, Кендал указывал на аптеку, мясной рынок и пекарню, хотя, на взгляд Эбигейл, все эти развалины были всего лишь кучами мусора.

Примерно на полпути Лоренс остановился перед покосившимся зданием.

– Самое важное место в городе. Салун! – Глаза его задорно блеснули, и Фостер подумала, что отец, развлекая слушателей рассказами о событиях прошлого, чувствует себя в своей стихии. Работа приносила ему настоящую, неподдельную, детскую радость, и она немножко завидовала – вот бы ей частичку этой его удачи! – И здесь я должен рассказать вам о женщине, обслуживавшей клиентов этого бара в тысяча восемьсот девяносто третьем году. Звали ее Джослин Мэддокс. Это была роскошная, сногшибательная красавица, дерзкая и вдобавок черная вдова. К двадцати пяти годам она побывала замужем за тремя богачами, умершими при весьма загадочных обстоятельствах. Родственники ее последнего мужа оказались далеко не простаками и доказали, что она постепенно травила его мышьяком. Джослин сбежала из Аризоны, а потом ее каким-то ветром занесло сюда. Здесь она произвела сильное впечатление. Мужчины ее обожали. Веселая, задорная, за словом в карман не лезла и могла отшить любого – в общем, оторва. Но в ноябре восемьсот девяносто третьего приехавший сю-

да арizonский старатель узнал Джослин и сообщил шерифу Кёртису, что в его городе баром заправляет беглая преступница. Информацию проверили, и Иезекилю ничего не оставалось, как только арестовать ее. Для экстрадиции Джослин в Аризону, где ее ждала виселица, все уже было готово, но тут выпал снег. Власти решили, что зиму она проведет в Абандоне, а в Аризону отправится весной. Поскольку половина городка была без ума от красавицы-убийцы, ее не стали гноить в тюрьме, а оставили в баре исполнять прежние обязанности под надзором помощника шерифа. Разумеется, ни о каком возвращении в Аризону Джослин не думала и на Рождество исчезла вместе со всеми остальными.

* * *

Вступив в город с тыла, исследователи прошли его полностью, до въезда. Вдалеке, на лесистом склоне, виднелась церковь. Крыша ее провалилась, но колокольня уцелела, и над ней, на фоне темнеющего неба, выделялся покосившийся силуэт креста.

Джун вдруг остановилась.

– Милая? – насторожился Эммет. – Что такое?

– Ничего. Просто... энергетика здесь почти та же, что и на Роанок-айленд.

– А это что такое? – заинтересовалась Эбигейл.

– Исчезнувшая колония, поселение на побережье Северной Каролины в конце шестнадцатого века, жители которого бесследно исчезли, – ответила миссис Тозер. – Остались только вырезанные на дереве буквы «CRO». Некоторые полагали, что они означают индейцев-кرواتанов и что, возможно, произошло нападение. Мы работали там несколько лет назад – так вот, здесь энергия даже сильнее.

– Что за энергия? – не поняла ее журналистка.

Джун повернулась, и ее глаза, казавшиеся такими добрыми и мягкими еще позавчера, при их первой встрече в Дуранго, поразили Эбигейл пронзительной, тревожной глубиной.

– Здесь случилось что-то ужасное, – сообщила женщина.

Фостер невольно улыбнулась.

– Что? – тут же нахмурилась Джун.

– Нет-нет, ничего, извини.

– А, так мы скептики!

– Боюсь, что да. Послушай, я не имею ничего против...

– Не надо, – перебил журналистку Эммет. – По крайней мере, ты говоришь об этом прямо. Я уважаю откровенность. Но надеюсь, раз уж ты собираешься писать статью о том, чем мы занимаемся, на твою

беспристрастность.

– Обещаю, – заверила его Фостер.

* * *

Лагерь разбили на краю города. Эбигейл забралась в палатку и сразу уснула, а когда проснулась, был вечер и было холодно. В кармашке рюкзака нашлась пара перчаток, и она, натянув их, выползла наружу. Над остроконечными пиками проносились низкие темные облака. Лежавший на траве, вместе с ламами, Скотт слушал радио, Лоренс, сидя у открытого входа в палатку, листал при свете налобного фонаря потрепанную записную книжку, а Спайсер подбрасывал в огонь доски. Журналистка села напротив него.

– Джеррод?

Тот поднял голову.

– Как думаешь, это все – полная чушь? – спросила Фостер.

– Что?

Вместо ответа девушка кивнула в сторону Эммета и Джун, которые стояли на коленях чуть поодаль, склонив головы в медитативной позе.

– Не знаю. Они не такие чокнутые, какими, в моем понимании, и должны быть.

Эбигейл стащила перчатки и протянула руки к огню.

Вдалеке, на фоне заката, причудливым и мрачным силуэтом вырисовывались руины Абандона.

К костру подошел Скотт, а за ним подтянулись и Лоренс с Тозерами.

– Что такое? – спросил Джеррод.

– По радио только что передали последний прогноз погоды. Ничего хорошего... – вздохнул Соьер.

– Шутишь, – не поверил Лоренс.

– Предполагалось, что снеговой фронт пройдет через Нью-Мексико, но он сместился севернее. Больших холодов ждать не стоит, но выше десяти тысяч футов выпадет много снега. Абандон, как известно, лежит на одиннадцатитысячной отметке.

– И сколько обещают? – спросил Кендал.

– От одного до трех футов. Они уже рассылают штормовые предупреждения. К нам фронт подойдет поздно вечером.

– И что это все значит? – с беспокойством спросила Джун.

– Это значит, что нам надо собирать вещи и возвращаться к обозной тропе, – заявил Скотт.

Джеррод вскинул голову.

– Ты это серьезно?

– Серьезней не бывает, – кивнул Соьер.

– Идти в темноте?

– Ну хотя бы полпути пройдем. Все лучше, чем то-

пать потом семнадцать миль, утопая по пояс в снегу.

– Может, все будет не так плохо...

– А может, даже хуже.

Джеррод посмотрел на Эммета.

– Вы потратили немалые деньги, чтобы добраться сюда и поснимать город, сорвали Лоренса...

– Ты что себе думаешь? – тут же вмешался Скотт.

– Разговариваю с клиентом. Может быть, ему стоит...

– С *моим* клиентом. На случай, если забыл, брат, позволь напомнить, что ты работаешь на меня.

– Так нам нужно уйти? – переспросил Тозер.

– Если буря действительно нагрянет, выбираться отсюда будет чертовски трудно, – объяснил ему Сойер. – Ни лыж, ни снегоступов мы с собой не захватили. Вы когда-нибудь пробовали ходить по снегу глубиной в три фута?

– Пусть сами решают, – сказал Джеррод.

Скотт бросил на него сердитый взгляд и снова повернулся к Тозерам.

– Послушайте, я предлагаю убраться отсюда к чертовой матери, но если вы хотите остаться, такой вариант тоже есть. Что думаешь, Лоренс?

– Потратились они, разрешение тоже выбивали они – им и решать.

Эммет посмотрел на жену, а потом снова на Скотта.

– Другого шанса поснимать в Абандоне в этом году у нас уже не будет? – уточнил он.

– Да, сезон заканчивается. Удивительно, что снега пока еще почти нет. Если вы ничего не сделаете сейчас, то до следующего июня, а то и июля – это будет зависеть от погоды – сюда не попадете. И то лишь при условии, что вам удастся получить разрешение.

– Милая? – Тозер посмотрел на жену.

Темные, клубящиеся облака, переваливая через вершины каньона, устремлялись на город-призрак подобно лавине.

Джун взглянула на мужа и кивнула.

– Мы рискнем, – сказал Эммет.

И Абандон утонул в тумане.

1893

Глава 7

Бартоломью Пакер захлопнул дверь, отгораживаясь от бушующей за порогом метели. Затем смахнул снежинки с шерстяного пальто, положил на вешалку котелок и протопал вразвалку к пузатой печке. Половицы жалобно заскрипели под его немалым весом.

Отогревая пальцы, мужчина обвел взглядом единственный оставшийся в Абандоне салун. Бледный свет от трех свисающих с потолка керосиновых ламп рассеивал мутный полумрак, но никогда не добирался до дальних углов помещения, бывшего, по сути, всего лишь жалкой лачугой.

Этим вечером в салуне их было всего лишь четверо. Лана Хартман, за пианино у дальнего окна, наигрывала «*O Little Town of Bethlehem*». Она уже давно стала такой же привычной частью обстановки, как барные табуреты. Но в этом платье – темно-зеленом, с красным кантом на воротнике и манжетах – Пакер видел ее впервые.

Лану слушала сидевшая за барной стойкой Джо-слин Мэддокс – в руке сигарета, в глазах скука.

На стуле у плиты дремал молодой помощник шерифа, в обязанности которого входил надзор за барменшей. Наклюкавшись в одиночку, он громко храпел, а по его подбородку медленно ползла полоска слюны табачного цвета.

– Привет, Джосс. – Барт шагнул к стойке. – Весело сегодня.

– Веселого Рождества тебе, хрен моржовый. Пришел глотку промочить? – Барменша улыбнулась и соскочила со стула, одетая, как всегда, на мужской лад – в холщовые штаны с высокой спинкой на подтяжках и хлопчатобумажную рубашку. Именно это несоответствие между мужским нарядом и черными как вороново крыло волнами падающими на плечи вьющимися волосами, а также темными, глубокими глазами сводило мужчин с ума. В этой женщине было что-то испанское, экзотическое. Позвякивая цепью, соединяющей ее ножные кандалы, Джосс вытащила пробку из бутылки и налила Барту полный стакан.

– Боюсь, тебе сегодня придется выпить со мной, – заявила она.

– Вот как?

– Как думаешь, мисс Хартман поднимет стаканчик с такими, как мы с тобой? Никогда не видела, чтоб она пила, хотя, как тебе прекрасно известно, угощать ее пытались многие, включая присутствующих.

– А что же наш герой у печи?

Мэддокс бросила взгляд на спящего помощника шерифа и снова повернулась к Бартоломью.

– Да не трогай ты этого ссыкуна, – прошептала она. – И не шуми. Увидит, что я выпиваю, так потом весь вечер будет нудить.

Она взяла стакан для себя, а когда налила, Пакер поднял свой.

– За тебя, Джосс. Пусть следующий год...

– Ради бога! – Барменша проглотила виски одним долгим глотком. Барт тоже опрокинул свой стакан.

Джосс налила еще.

– Эх, милая, видела б ты Абандон, когда все только начиналось!.. – вздохнул ее посетитель. – В восемьдесят девятом, в такую вот ночь, здесь сидело бы человек пятьдесят шахтеров после смены и целый выводок шлюх.

– Так что, теперь все кончено, а?

– Да, все кончено. Все ушло. Шлюхи, опиум, веселье...

Они чокнулись и выпили, а потом Барт налил еще, и они выпили снова. Скоро лицо Пакера разгорелось и пошло пятнами; лопнувшие капилляры проступили на коже красными червячками, и его нос сделался похожим на перезрелую клубнику. С лысины мужчины потекли струйки пота.

Барт был не из тех, кто стоит, когда можно сидеть. Он забрался на барный табурет, и они с Джосс продолжили обрабатывать бутылку под звуки рождественских мелодий Ланы и громкий храп помощника шерифа. Как не раз бывало в такие тихие вечера, Бартоломью завел старую шарманку про былые, веселые деньки, про то, как надо разрабатывать богатую жилу в горах и как в следующем году он остановит дробилку, прикроет лавочку и отправится искать удачи в Монтану.

– Ты бы помолчал немного для разнообразия, а? У меня от твоих речей голова пухнет, – проворчала его собеседница.

Пакер налил снова. За окном уже вовсю бушевала метель, и тонкие стены заведения дрожали под натиском ветра.

Потом Барт поднялся, нетвердой походкой добрался до пианино и остановился рядом с Ланой, глядя на золотистый разлив ее волос и порхающие над клавишами пальчики. Пианино было расстроено – два года назад один рабочий пульнул в него из револьвера, по ошибке приняв в драке за противника.

– Очень было приятно, мисс Хартман, – изрек Барт, дослушав очередную песенку, и сунул руку в карман, из которого извлек и положил на клавиши джутовый мешочек размером с кулак.

Пианистка подняла мешочек и подержала, определяя вес, на ладони. Развязала шнурок, заглянула внутрь и увидела тусклый блеск пыли и крохотных самородков – долларов, пожалуй, на двести.

Она посмотрела на Бартоломью и покачала головой.

– Нет-нет, смотреть на вас было для меня в этом году самым большим удовольствием! Вы слишком хороши для этой дыры...

Пакер протянул было руку к плечу Ланы, но остановился. Он никогда до нее не дотрагивался. Но зато мужчина позволил себе задержать взгляд на ее лице, самом мягком и нежном из всех, что когда-либо украшали собой улицы этого городишки.

После этого Барт вернулся на свое место у стойки.

– Еще один – на холодную дорожку домой, – сказал он барменше.

Та вылила из бутылки последние капли, а Лана снова заиграла.

Допив виски, Бартоломью положил на стойку еще один мешочек.

– И веселого Рождества тебе, Джосс.

Мэддокс взвесила мешочек на ладони, словно этого могло и не хватить, улыбнулась и наклонилась к нему через стойку.

– Ты ведь любишь ее, да? – спросила она тихо.

– Извини?

– Чудной ты мужик. Приходишь сюда каждый вечер, как будто тебе и пойти больше некуда. Слушаешь это ее бреньканье...

– Эй, это же не значит...

– Да успокойся ты, Бартоломью, и слушай! Человек не знает, какой ему срок отмерен. Мой приходит весной, а тебе я скажу так – надеюсь, ты не уйдешь из этого мира с сожалением о несделанном.

– Не понимаю, что ты...

– Прежде чем уберешься отсюда, сделай то, что ты всегда хотел сделать с тех пор, как положил глаз на эту кобылку.

– Какого черта...

– Я хочу, чтобы ты ее поцеловал.

– Не могу.

– А что такого она тебе сделает? Отвесит пощечину? Уверена, тебе такое не впервой. Черт, попробовал бы ты что-то такое со мной, я бы тебя пристрелила, но с ней тебе это не грозит. По-моему, ты любишь ее, и это мой рождественский тебе подарок. Возьми и поцелуй, когда будешь выходить.

Барт сполз с табурета и направился к двери. Надел пальто, шляпу. Взялся за ручку.

Остановился. Повернулся. И пошел к пианино. Его слабое сердце колотилось, как бешеное. Он накло-

нился и поцеловал Лану в щеку.

Она перестала играть и опустила голову. Обоих трясло.

– Извините, – пробормотал Пакер. – Просто я...

Он не договорил и поспешил к выходу.

Хартман перевела дух и посмотрела в окно через улицу – на женщину, сидящую у эркера на втором этаже постоянного двора.

Через дорогу доносились звуки веселья. Там, в танцзале, собрался на празднование Рождества едва ли не весь город. Пианистка еще раз вздохнула и заиграла «Тихую ночь» на расстроенном пианино.

Джосс достала из-под стойки свечку, подошла к печи, открыла дверцу и поднесла фитилек к пламени, а потом поставила зажженную свечу на подоконник за баром и осталась у окна, вглядываясь в темень и бушующую за стеклом вьюгу. Увидят ли ее сигнал в такую непогоду?

Глава 8

Стивен Коул застегнул свой черный сюртук и шагнул на платформу с музыкантами – высокий, бледный и худой до такой степени, что казался хрупким. Его разделенные прямым пробором каштановые волосы падали на плечи грязными прядями, а жидкие усы – единственное, что ему удалось вырастить на лице, – больше подошли бы подростку, чем двадцатисемилетнему мужчине. Но люди замечали не невзрачную внешность этого человека, а его большие глаза – карие, мягкие, иногда даже сияющие.

– Давайте помолимся! – призвал он собравшихся. – Господи. Спаситель. Творец добра. Благодарим Тебя за щедрость Твою, за пищу, поданную нам, за руки, приготовившие ее, за щедрого мистера Пакера, позволившего поварам своего пансиона устроить пир для города. Благодарим Тебя за сына Твоего, Иисуса Христа, посланного Тобой спасти сей презренный мир. Давайте же, празднуя сегодня и завтра рождение Младенца, вспомним, что на свет он появился в яслях для скота. И наконец, Господи, прошу Тебя взять под свое покровительство и защитить город Абандон. Убереги нас от холода и снега, горных лавин, диких зверей, дикарей, и прежде всего от порока в сердцах

наших. Господи помилуй. Аминь.

Стивен сошел с платформы, а музыканты взяли в руки инструменты, тронули струны и принялись подкручивать деревянные колки.

Два года назад на этой сцене толпились бы шлюхи всех мастей и на любой вкус – в драных пеньюарах и ярких чулках, некоторые совсем еще дети, другие полуголые, а парочка и совсем без одежды, все разрисованные, будто похотливые клоуны. В толпе танцующих шатались бы пьяные шахтеры, и комната благоухала бы отвратительной «амброзией» – запахами виски, пота и табачного дыма.

Но потом шахта съезжилась, а гуляки и кутилы убралась восвояси, оставив на память о себе испещренные пулями стены и пол с пятнами от рвоты, плевков и крови.

В этот вечер в центре зала составили с дюжину столов, украшенных ленточками, молодыми елочками, срезанными на склонах холмов над городом, и множеством свечей.

В конце ближайшего к железной печурке стола сидели шериф Иезекиль Кёртис и его жена Глория. В полной тишине жители Абандона накладывали на тарелки кукурузный хлеб, овощи, жареный картофель и мясо и наливали подливу. Свисающие с потолка лампы лишь разжижали полумрак зала, высвечивая ли-

ца на неясном полотне тени и света. Сидя напротив Гарриет Маккейб, Глория смотрела, как девочка жадно поглощает ужин, роняя соус на белый фартук.

– Ты готова встретить Санта-Клауса? – спросила миссис Кёртис. – Я слышала, он сейчас на пути в Абандон.

Гарриет взглянула на свою мать, словно ожидая от нее подтверждения правоты этого заявления. По лицу Бесси Маккейб текли слезы.

– Бесси? – прошептала Глория. – В чем дело? Ты нездорова?

Миссис Маккейб едва исполнилось двадцать. Розовое хлопчатобумажное платье, заляпанное пятнами и рваное – в нем она постоянно ходила за дровами, – было у нее лучшим, но совершенно не подходило для здешней холодной зимы. Десять месяцев назад Бесси приехала из Теннесси к мужу – и обнаружила не того пятнадцатилетнего паренька, за которого вышла замуж, а совсем другого человека. В глазах ее горел тусклый свет нужды и изнеможения. В горах, в самую зимнюю стужу, она оказалась рядом с человеком, из-за которого ее соломенные волосы выпадали целыми клоچьями.

– Это из-за Билли, – прошептала молодая женщина, прикрыв ладошкой рот с гнилыми зубами.

Подавшись вперед, Кёртис взяла Бесси за руку.

– Где он? – спросила она.

– А как вы думаете? – Голос Маккейб дрогнул.

– С мистером Уолласом?

– Кажется, отправились мыть золото.

– Мистер Маккейб любит тебя, – сказала Глория и почувствовала, как кто-то ущипнул ее под столом.

Она повернулась и наткнулась на неодобрительный взгляд мужа.

– Итак, миссис Маккейб, – сказал Иезекиль, – как мистеру Маккейбу работа на шахте?

– Работает откатчиком, но когда у Билли выходной, они с мистером Уолласом куда-то уходят.

– Что ж, будем надеяться, и у Билли в лотке что-то блеснет. – Шериф поднял стакан с водой, сделал глоток и переключил внимание на маленькую девочку.

Пока он расспрашивал Гарриет о ее занятиях, Глория пощипывала лежащий на тарелке кукурузный хлеб и украдкой поглядывала на мужа. Она все еще была без ума от него, этого солидного, эффектного мужчины с густыми усами, длинными бакенбардами и пылкими глазами, вспыхивавшими страстью – гневом или чем-то еще – с такой силой, словно в груди его кипела лава. Это она убедила мужа надеть по случаю сюртук, который он презирал и в котором выглядел, говоря его собственными словами, как «какой-нибудь разряженный банкир».

Постепенно, однако, внимание Глории сместилось от их стола к соседним, и она стала улавливать обрывки других разговоров – о растущих, бурлящих и кипучих городах. В какой-то момент миссис Кёртис заметила стол, стоящий ближе других к платформе с музыкантами. Одну его сторону занимали десять человек, но в его дальнем конце, в одиночестве, ела женщина, с которой никто не общался. Ей было лет сорок с лишним, и даже издали Глория видела, что в свое время она блистала красотой. Теперь, правда, эта женщина выглядела просто усталой и неприкаянной в обтрепанном бордовом бальном платье с турнюром, рукава которого были отделаны белым кружевом и замысловатой вышивкой бисером по моде семидесятых годов.

– Прошу меня извинить, – сказала Глория и, прежде чем Иезекиль успел ответить, поднялась и направилась к столу, за которым сидела эта дама в старомодном платье. – Вы не против, если я сяду, Розалина?

Женщина усмехнулась. Щеки ее были напудрены, а волосы собраны наверху в пышную массу гранатовых завитков.

– Если вам безразлично, что подумают все эти лицемеры, то я, конечно, возражать не стану, – отозвалась она.

Кёртис перенесла свою тарелку и выдвинула стул.

Откровенность Розалины задела в ней какие-то струны.

Оказавшись рядом, она заметила еще больше следов разрушенной болезнью красоты этой женщины, и сердце ее сжалось от боли. Она подумала о своей собственной матери, какой та могла бы стать, если бы сифилис не сократил ее дни.

– Как вам нравится... – начала было жена шерифа, но собеседница перебила ее:

– Я не жалую сострадание. А с чего это вы решили сюда сесть? Что на вас такое нашло?

– Я видела вас и...

– Как и половина мужчин в этом зале. И теперь они изображают притворное негодование – как это я посмела участвовать в празднике вместе с ними! – а про себя просто смеются. Знаете, меня ведь *любили* в этом городе? Едва ли не как королеву.

– Послушайте, я увидела, что вы одна, и...

– Что ж, вы отметились добрым деянием, так почему бы вам не вернуться... – Розалина не договорила и, протянув руку, коснулась длинного белого шрама под нижней губой Глории. – Где вы работали, милочка?

Та вспыхнула и отпила воды.

– Я... Я больше не работаю.

– Я имею в виду, когда работали.

– В Ледвилле.

Розалина улыбнулась.

– То еще местечко... А ты великолепна. Держу пари, мужчины тебя обожали. Так что с подбородком?

– У меня был один клиент... сумасшедший. Решил, что мы женаты и что я его обманываю.

Ее собеседница громко рассмеялась. Некоторые из сидевших за столом посмотрели на нее, но никто ничего не сказал.

– Этот город умирает, – сказала Глория. – Не хочу показаться назойливой, но почему вы здесь остались? Могли бы уехать в Криппл-Крик.

Розалина снова улыбнулась, и в ее глазах отразились мудрость и потушенный гнев прожитой жизни.

– Я всю свою жизнь была шлюхой. Когда в Абандоне все закончится, возьму свои денежки и уеду куда-нибудь, где меня никто не знает. Где нет снега. Куплю домик. Разведу сад.

– Выйдете замуж?

– Боюсь, мужчины меня больше не привлекают.

Глория отрезала кусочек ростбифа.

– Как тебе удалось стать такой уважаемой? – спросила Розалина.

– Влюбилась в хорошего человека.

– Таких ведь немного осталось, а?

Они танцевали вальс «Блэк хоук»: музыканты наяривали вовсю, и высокие шнурованные ботинки и сапоги-«дымоходы» резво отстукивали по половицам. Выглянув за плечо мужа, Глория увидела, что Розалина сидит одна в кресле-качалке у плиты.

– Какой позор! – вздохнула миссис Кёртис.

– Ты знаешь, кто эта женщина? – спросил Иезекиль, наклоняясь к ее ушку.

– Не смотри так. Она – человек.

– Ты позволяешь людям копаться в твоём прошлом?

– А ты позволяешь людям обращаться со мной так, словно я пустое место?

Они столкнулись с Илгами.

– Извините, Костоправ, – сказал Кёртис.

– Веселого вам Рождества, шериф! Вижу, вы в полной боевой раскраске. Мэм... – Доктор приподнял шляпу.

Затем они вырвались наконец из толпы.

– Эта женщина – не моя забота, – сказал Иезекиль.

– Твоя забота – приличное поведение. Иди и потанцуй с нею, – велела ему жена.

– Черта с два!

– Зек!

Шериф оглянулся через плечо и с облегчением прошептал:

– Благослови его Господь!

Глория обернулась и увидела, как Розалина поднимается из кресла в ответ на приглашение Стивена Коула. Через несколько секунд шлюха и проповедник уже отплясывали вместе со всеми.

Глава 9

Пешеходную дорожку, по которой Кёртисы возвращались домой, расчистили не далее как утром, но к вечеру снега на ней было уже едва ли не по колено. Глория спрятала руки под шерстяную накидку. Если не считать танцзала, где еще продолжалось веселье, весь город накрыла та безумная тишина, что неизменно устанавливалась в самые худшие метели. На улице не было ни души, и мело так, что они едва видели свет ближайшего фонаря. Присутствие других источников света лишь слабо угадывалось.

Дверь гостиницы, когда супруги подошли к ней, украшали отметины от снежков – здесь резвилась детвора. На другой стороне улицы светились окна салуна, и оттуда же доносились звуки рождественской песни, исполняемой на расстроенном пианино. Они вошли в темный вестибюль. За регистрационной стойкой никого не было, поскольку хозяин заведения уехал из городка еще три месяца назад. Стряхнув снег с накидки, Глория последовала за Иезекилем вверх по лестнице.

Как и в вестибюле, в коридоре было пусто и темно. Пара остановилась перед номером шесть, единственным, из-под двери которого сочился свет.

Шериф постучал. На стук никто не отозвался, и он, подождав немного, постучал еще раз.

– Думаю, она не ответит, – прошептала его жена.

– Миссис Мэдсен! – сказал Иезекиль. – Это Зек и Глория Кёртис. Мы оставим здесь кое-что для вас. С Рождеством.

Глория поставила на пол корзинку с двумя апельсинами, банкой сардин и кусочком шоколадного торта с праздничного стола. На клочке бумаги она написала: «*Веселого Рождества и счастливого Нового года – от ваших друзей Кёртисов*».

После этого супружеская пара спустилась вниз, вышла из гостиницы и побрела дальше по снегу.

– Видел сегодня Ооту⁴ Уолласа, – сказал Иезекиль. – Утром, в пивнушке. Напомнил, что мой брат опаздывает уже на два месяца.

– И что он? – спросила миссис Кёртис.

– То же, что и всегда. Мол, Натан и остальные в последнюю минуту решили не ехать – опасаются непогоды. Я назвал его отъявленным лгуном.

– А что, по-твоему, на самом деле случилось?

– Не знаю, Глори, даже не представляю. Но этот парень – нехороший тип. Злобный, коварный.

⁴ В оригинале данный персонаж носит имя Oatha. Сам автор рекомендует произносить его как «Ooooooooooohu, с длинным O». Переводчик и редактор решили оставить это имя в варианте Ооту.

– А если вдруг окажется, что Натан был с ним?

– Я, может, и шериф, но такие дела не в суде решаются.

Они свернули в боковую улочку и зашагали по протопанной в снегу дорожке. В окнах домишек на склоне – тех, где еще остались жильцы, – горел свет: семьи собирались у каминов. В разыгравшемся бурене одни лишь эти огоньки оставались крохотными островками тепла.

– Мне нужно предупредить тебя, Иезекиль, – заговорила Глория. – Я хочу сказать кое-что о нашем мальчике.

Шериф остановился и повернулся к жене. Было так темно, что он видел только белки ее глаз.

– Повторяю, мы не говорим об этом. – Голос его дрогнул, выдав не злость, но горечь, и у Глории перехватило горло.

– Мне нужно сказать кое-что, Зек. Тебе не обязательно ничего говорить...

Муж взял ее за руки.

– Я не желаю этого слышать.

– Но мне это нужно. – Глаза женщины блеснули, наполняясь слезами. – Я не могу так жить, делая вид, что так было всегда. Прошел только год, и я по нему скучаю. Это все, что я хотела сказать. Я так скучаю по Гасу, что не могу дышать, когда думаю о нем. – Ие-

зекиль шмыгнул носом и отвернулся. – Мне пусто на душе, Зек, потому что мы не говорим о нем. Лучше от этого не становится. Мы забываем его, но хотим ли мы забыть о нашем сыне?

Кёртис сел на снег.

– Я не забываю Гаса, дорогая. Ничто на этом Богом проклятом свете не заставит меня забыть моего мальчика.

Супруга шерифа опустилась на колени рядом с плачущим мужем.

– Думаешь, мы увидим Гаса, когда умрем? – спросила она.

– Глори, если б я верил в это, я бы еще год назад разнес себе голову. Мне ума на такое не хватает. Ну зачем ты меня мучаешь?

– Потому что я даже не помню, как он выглядит! У меня в голове пятно вместо лица. Помнишь, я хотела его портрет, а ты не разрешил?

– Да. Помню.

– Черт бы тебя побрал, Зек!

Ветер, переменившись, бросил женщине в лицо пригоршню колючего снега. Она отвернулась. Иезекиль говорил что-то, но Глория его не слышала. Она наклонилась к мужу и спросила, что он сказал.

– Сказал, что он был мне выше колена. Закрой глаза и, может быть, увидишь его. У него были чудные

волосики, с рыжинкой, и кожа такая белая... как молоко. И твои глаза. – Кёртис откашлялся и снова вытер лицо. – Когда я... Господи... когда я целовал Гаса в шейку, мои усы щекотали его, и он... он заливался смехом и кричал: «Не надо, папа!»

Глория закрыла глаза.

– Продолжай, Зек.

– Он говорил, что моя коленка – это его конь, Бенджамен.

С этими словами Иезекиль замолчал. Миссис Кёртис открыла глаза. Ее мужа трясло, и он, наклонившись, уткнулся лицом в ее накидку и разрыдался.

– Все хорошо, – прошептала женщина. – Все хорошо.

– Нет, не хорошо. Иногда я лежу в постели и стараюсь представить, каким он стал бы в десять, или в пятнадцать, или в тридцать. Представляю его мужчиной... Его отняли у нас, Глори. Хорошо уже никогда не будет.

Иезекиль заставил себя подняться, а потом помог встать Глории. Оба были в снегу, и шериф повел плачущую жену вверх по склону холма, к их темному домику в еловой роще.

Глава 10

Сани несли Барта Пакера сквозь темень ночи. Скрип полозьев заглушало звяканье цепи и жалобное постанывание ваги. Здесь, в полумиле к югу от города, мело и кружило так, что ему была видна только упряжка и почти ничего больше.

Он бы пропустил поворот, но лошади знали дорогу и свернули где надо, за занесенными снегом елями. Бока их вздымались, поднимались и опускались, как меха, а ноздри горели. Протащив сани по «Американским горкам», они позволили себе перейти на шаг, и Барт тут же огрел их вожжами.

– А ну-ка просыпайтесь! Вперед, девочки!

Они поднялись от дна каньона на шестьсот футов, и дорога выровнялась.

– Пошли! Пошли! – снова закричал Пакер, безжалостно охаживая крупы лошадок вожжами.

Он гнал их не по злобе и не потому, что куда-то опаздывал. Ничто не возмущало Бартоломью Пакера так, как жестокое обращение с животными, но сейчас они приближались к самому опасному отрезку маршрута, проходящему между двумя крутыми склонами, с которых каждую зиму сходили лавины. У человека, захваченного лавиной в этот вечер, шансов остаться

в живых было не много.

Миновав опасный участок, Барт натянул поводья и, когда лошади остановились, сошел с саней. Снегу выпало столько, что он провалился едва ли не по пояс. Прихватив топор, Пакер прошел к замерзшему прудку размером с колесо от фургона и несколькими ударами разбил лед. Вода из ключа побежала по камням. Пока лошади утоляли жажду, Бартоломью забрался в сани, достал из кармана фляжку в шерстяном чехле и, завернувшись в буйволиную шкуру, подкрепился горячительным.

Может быть, виной тому был алкоголь, но ему казалось, что губы после контакта со щекой мисс Хартман как будто звенят. Снова и снова Бартоломью прокручивал в памяти этот поцелуй. И почему только он ждал так долго? *Все твоя гордость. Твоя треклятая гордость.*

Кони подняли головы и заржали. Затем, отступив от ключа, начали топтаться на месте. Барт подхватил поводья.

– Что такое, девочки?

Учужали лавину? Мужчина прислушался – не шумит ли в темноте сорвавшийся и летящий по склону снег? – но услышал только, как лошади нервно кусают стальные удила. Он в последний раз приложился к горлышку, сунул фляжку в карман и только вскинул

вожжи, чтобы тронуть свою пару с места, как одна из лошадок захрапела.

Барт снова прислушался, и на этот раз услышал хриплое, со свистом, дыхание идущих через глубокий снег коней. На дороге, футах в двадцати от него, появились двое всадников. В заснеженном лесу они походили на призраков.

Пакер моргнул. Он, наверное, не особенно бы удивился, если б они исчезли, как и подобает привидениям, но всадники остались и были теперь так близко, что Бартоломью уже видел облачка пара, вылетающие из ноздрей их коней.

– Добрый вечер! – крикнул он, но ответа не последовало. Может, не услышали? – Веселого Рождества! – закричал он громче.

Всадник слева сказал что-то своему товарищу, и Барт услышал, как они цокнули языками. Подъехав ближе, незнакомцы остановились справа и слева от саней. На обоих были широкополые шляпы, собравшие на себя по несколько дюймов снега, оба кутались в одеяла и прятали лица за повязками из рукавов разорванной муслиновой рубахи, так что видны были только их глаза. У того, что стоял слева, они выражали холодную цепкость, а у его спутника – нервозность и даже страх.

– Веселого Рождества, – повторил Барт с натужной

бодростью. Уж не нарвался ли он ненароком на разбойников? – Вот уж метель так метель! Не до приключений. Поскорей бы до огонька добраться...

– Будь любезен, заткни свое поганое хлебало, – произнес тот, что встал слева, низким и каким-то металлическим голосом.

– Извините, сэръ, но в чем проблема? Если... – начал было Бартоломью, но тут из-под одеяла левого всадника высунулось дуло двустволки. – Позвольте предупредить, сэръ: выстрелив, вы сильно рискуете вызвать сход лавины, и тогда уж не поздоровится нам всем.

– Не слышал, что он сказал? – подал голос второй незнакомец. Он был помельче своего спутника и заметно моложе – едва ли не мальчишка. Но поразило Барта не это, а его акцент. Чисто теннессийский.

– Не понимаю. Ты же работаешь на меня, сынок! – сказал ему Бартоломью.

Юнец бросил растерянный взгляд на своего товарища, а потом снова перевел его на Барта.

– Нет, мистер Пакер, больше не работаю.

И только тут сидящий в санях мужчина увидел в его дрожащей руке шестизарядный «Кольт» – большой, тяжелый револьвер, сохранившийся, должно быть, еще с довоенных времен.

– Полегче, сынок. – Пьяный туман развеялся, но до

конца в голове у Бартоломью еще не прояснилось. В какой-то момент ему даже причудилось, что его накрыла лавина, что он лежит, задыхаясь, под снегом, и все это – только его болезненное видение. – Ты какого дьявола делаешь? Я не...

Второй всадник подал коня вперед и ткнул дулом дробовика Барту в лицо. Кровь мгновенно просочилась через его усы, протекла между зубами и поползла по подбородку.

Пакер стащил рукавицу и прижал ее к разбитому носу.

– Да чтоб тебя! – вырвалось у него.

– А теперь гони-ка к своему особняку, а мы за тобой, – сказал ему старший из всадников. – Не знаю, есть ли у тебя ножны или плечевая кобура, но совать руку под одежду – даже если почесаться захочется – не советую. Можешь не сомневаться: снесу башку не раздумывая. Все понял?

– Что вам нужно? Я – человек богатый и...

– Помнишь, что случилось, когда ты в последний раз раззявил рот? Давай трогай.

Барт поднял вожжи и тронул лошадей. Нос его горел, по испачканному кровью лицу текли слезы. Всадники последовали за ним, но уже шагов через пятьдесят одного из них вырвало в снег.

– Господи ж ты Боже мой! – пробормотал второй.

Оглянуться Пакер не рискнул, но подумал, что вырвало, наверное, парнишку. А вот с чего бы его так затошнило... Уж не потому ли, что сегодня ему предстояло впервые в жизни убить человека?

Глава 11

Время близилось к десяти, и Джосс решила, что других посетителей сегодня уже не увидит. С возвращением в холодную камеру она, однако, не спешила и беспокоить уютно посапывающего у плиты помощника шерифа не стала.

Лана уже ушла домой, и Джослин, хотя она никогда бы в этом не призналась, недоставало музыки, несмотря на то что ей до чертиков надоели бесконечно повторяющиеся рождественские гимны. Звуки, пусть даже и треньканье расстроенного пианино, заглушали тишину одиночества, хотя и тишина была предпочтительнее болтовни помощника шерифа, любителя потрепаться о том, какой большой шишкой он был когда-то в Урее. Мэддокс начала всерьез подумывать о том, чтобы перерезать сопляку горло, пока он спит, – одного движения ножом было бы вполне достаточно, а нож-боуи всегда лежал у нее под стойкой. Она представила, как он вытаращится, как потянется за револьвером к пустой кобуре и как расползется по полу, до самой плиты, лужа крови. Но сделав так, она все испортит. Да и куда потом идти, учитывая, что весь Абандон занесен снегом? Еще двенадцать часов ничего в общем-то не значат.

При мысли о Лане Джосс улыбнулась. Проходя мимо нее, пианистка кивнула и прошептала одними губами: «Веселого Рождества», – никогда прежде эта немая милашка не была столь красноречива.

Дверь распахнулась, и порог переступил проповедник Стивен Коул. Отряхнув сюртук от снега, он оглядел пустой салун, прошел к бару и положил руки на сосновую стойку.

– Добрый вечер, – сказал он барменше.

– Добрый вечер, проповедник. Таки заглянули промочить горло?

Стивен улыбнулся. Судя по мокрым от растаявшего снега волосам, из дома он вышел без шляпы.

– Вы позволите угостить вас, мисс Мэддокс?

– Зовите меня Джосс, и – да, конечно. Неважно себя чувствуете?

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Вы так бледны, никогда вас таким не видела. – Женщина поставила на стойку новую бутылку, вытаскала из нее пробку и достала два стакана. – Щепотку кокаина в виски?

– Нет, спасибо.

– Вот уж не думала, что когда-нибудь буду пить со святым отцом. Что ж, ваше здоровье, преподобный или как вас там...

– Вообще-то меня вполне устроит Стивен. Просто

Стивен.

Они чокнулись и опрокинули по первой. Коул моргнул. Джослин хотела налить ему еще, но он покачал головой.

– Нет-нет, с меня хватит, но вы продолжайте, если хотите.

– Я смешаю вам коблер. – Мэддокс улыбнулась. – Дамам, по-моему, нравится.

– Нет, спасибо, не надо.

– Ладно, а я немножко выпью.

Джосс плеснула себе в стакан. Проповедник достал из кожаного мешочка два небольших самородка, положил их на стойку, но намерения уйти не выказал.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила барменша.

Стивен убрал за уши пряди волос.

– Вообще-то я сегодня пришел сюда не просто так, но руководствуясь некоторыми скрытыми мотивами.

– И что же это могут быть за... Нет, подождите! Пожалуйста, пожалуйста, скажите, что вы пришли сюда не для того, чтобы попытаться...

– Спасти вас? Нет. Спасает Бог. Я – лишь небольшая часть этого уравнения. Кроме того, я не настолько самонадеян, чтобы думать, будто сумею убедить вас в необходимости обратиться к Богу. Вы – умная женщина. Вы прожили в этом мире немало лет и, конечно, слышали о благой вести, но предпочли не при-

нять Его. Это печалит меня и, несомненно, печалит Господа, но решать надлежит вам, и я отношусь к вашему выбору с уважением.

– Рада слышать. Не хотелось бы гнать благую весть коленкой под зад, но я бы это сделала.

Стивен улыбнулся.

– Насколько я понимаю, вас отправляют весной в Аризону, где...

– Где меня ждет виселица. Не стесняйтесь. Я не обижусь, если вы это скажете.

– Мисс Мэддокс. Джосс. Сегодня, возвращаясь домой с рождественского ужина, я увидел свет в окнах вашего салуна, и Господь сказал мне зайти сюда.

– Конечно.

– Я хотел бы помолиться за вас, Джосс. Прямо сейчас. Сегодня канун Рождества. А вы прикованы цепью к бару. Я даже представить не могу, с каким страхом вы ждете возвращения в Аризону следующей весной. Может быть, вы согласитесь помолиться вместе со мною? Если вам станет хотя бы чуточку легче, я буду...

Джослин наклонилась к проповеднику.

– Думаете, я отвергла Бога?

– Я только...

– Вы сказали, что это я не пришла к Богу.

– Я лишь предположил...

– Хотите услышать историю отвержения? Та сука, что была моей матерью, бросила меня на калифорнийском прииске на следующий день после родов. Мужчина, который нашел меня и вырастил, продавал меня за три доллара любому, кто желал позабавиться с десятилетней девчонкой. Мужья – каждый, без исключения – били меня. И Господь либо одобрял это, либо смотрел на все сквозь пальцы. Так что не приходите сюда с разговорами про то, как я отвергла Бога. Это Он навсегда отвернулся от меня с того самого мгновения, когда я только появилась на свет.

На лбу у Джосс проступила синяя жилка, и ее большие черные глаза вспыхнули.

– Думаете, Бог ненавидит вас? – спросил Стивен.

– Мне давно уже наплевать на то, что Он думает или чего не думает.

– Уверяю вас, Он любит...

– Послушайте, не приходите сюда вот так, заступаться за Бога от своего имени. Ему известно, где я живу. Может прийти Сам или не приходить вовсе. Спасибо за заботу, проповедник, но тут ваши старания напрасны, и молиться с вами... нет, в списке моих желаний на этот год такой пункт отсутствует. Вот так. А теперь мне пора закрывать лавочку. – Барменша посмотрела на помощника шерифа. – Эл! Ну-ка давай, шевели задницей!

Очнувшись, слугитель закона машинально потрогал револьвер на боку и, с трудом ворочая языком, пробормотал:

– Что такое? Что случилось?

– Закончили на сегодня! – объявила Мэддокс. – Веди меня в тюрьму.

– Но я... но...

– Эл, черт бы тебя побрал, скажешь еще слово поперек...

– Ладно, Джосс, ладно, не кричи.

Коул, отступив от стойки, посмотрел на Джосс своими грустными, добрыми глазами.

– С Рождеством вас, – сказал он и направился к двери.

* * *

Стивен остановился под уличным фонарем. Ветер без устали наметал сугроб к витрине заброшенной парикмахерской. На другой стороне улицы, у эркерного окна на втором этаже гостиницы, сидела со свечкой в руке и смотрела на него Молли Мэдсен. Он помахал рукой и коротко помолился за нее.

Пройдя дальше по пешеходному настилу, проповедник свернул на боковую улочку, которая вела к его лачуге. Он думал о своем доме в Чарльстоне, в Юж-

ной Каролине, и перед глазами у него вставали пальмы, дубы, солончаки... океанские рассветы... лица матери и отца...

Коул приехал на Запад три года назад, поскольку верил, что такова воля Господа, и чувствовал, что его долг – служение тем, кто живет там в суровых условиях.

В Скалистых горах он нашел тысячу городишек, основанных на невоздержанности, пьянстве и жадности.

Я ничего не достиг и ни в чем не преуспел. Господи, покажи мне хотя бы одного человека в этих горах, кому мое присутствие пошло на пользу. В отчаянии мужчина опустился на колени посреди пустынной улицы и молился до тех пор, пока у него не онемело лицо. Его трясло от холода.

Затем Стивен поднялся и смахнул с волос снег.

Сделал два шага к дому.

И вдруг услышал...

Он замер. Позабыл о холоде. Позабыл об одиночестве.

Он стоял в темноте, под падающим снегом, и ощущал в себе странное, распространяющееся по всему телу тепло. Теперь, услышав это, он точно, с полной уверенностью, знал то, на что надеялся всегда, каждый раз, когда стоял на коленях у кровати, порой ча-

сами в полной тишине. Он услышал лишь свое имя, но этого было достаточно, и это наполнило его такой умиротворенностью, что он ни на миг не усомнился в том, кто произнес это имя.

Когда с тобой говорит Бог, не узнать его голос невозможно.

2009

Глава 12

Шесть полос света пробивались сквозь опустившийся на каньон туман, и двигались они в направлении руин Абандона. В воздухе держался стальной запах снега, хотя снегопад еще не начался. Ночь выдалась безлунной и облачной. Такой темноты Эбигейл никогда не видела и даже не представляла: их всех как будто заперли в огромном холодном погребе. Она шла между Эмметом и Джун, держась в нескольких шагах позади Лоренса, а в арьергард группы были отправлены оба проводника – с приказом не отставать и не шуметь. Эбигейл взяла с собой магнитофон и как раз записывала рассказы Тозеров, когда Лоренс вдруг сказал:

– Стоп! – Они остановились, и профессор посветил фонариком вперед, в сторону небольшой еловой рощи. – Невероятно! Найти в таком тумане!.. Вот вам то, что осталось от дома Иезекиля и Глории Кёртис.

Обе женщины поспешили в рощу. Одетая в красную лыжную куртку Джун направила фонарик на развалины. В грудях мусора Эбигейл разглядела дрова-

ную печь, какие-то банки и проржавевшие матрасные пружины. Тозер снял крышку с объектива камеры и двинулся вокруг участка.

– Джун, пока Эммет снимает, не могла бы ты рассказать, как вы занялись паранормальной фотографией? – попросила журналистка. – С чего все началось?

Миссис Тозер отвела ее в сторонку от развалин. Выключив налобные фонари, женщины укрылись за расщепленной молнией елью.

– Десять лет назад наш сын, Тайлер, катался на велосипеде, и его сбил фургон. Он умер на месте, прямо на улице, – стала рассказывать Джун, и Эбигейл взяла ее в темноте за руки. – На следующую после похорон ночь мы с Эмметом лежали, обнявшись, в постели и говорили о том, чтобы принять какие-нибудь таблетки. Такую боль невозможно вынести... Так вот, мы лежали, а потом, часа, наверное, в два или три ночи, я вдруг ощутила, как меня накрывает волна покоя, словно мне сделали инъекцию какого-то невероятно-го лекарства. Воздух сгустился, сделался живым, и я чувствовала, как он обволакивает меня. Только так я и могу это описать. Меня наполнила любовь, сильная, глубокая, безграничная... Я поймала себя на том, что улыбаюсь, и посмотрела на Эммета – он тоже улыбался. Это случилось с нами одновременно, и мы оба

знали, что это. К нам пришел Тай. Я ощущала присутствие моего мальчика так же сильно, как твое сейчас, когда ты стоишь рядом, хотя я и не вижу тебя. Он спас нас, Эбигейл.

Немного помолчав, женщина продолжила:

– На следующее утро мы пошли в местную кофейню, и Эммет увидел афишу – слайд-шоу паранормальной фотографии. Мы тогда даже не знали, что такое существует, но после случившегося ночью решили пойти. К сожалению, тот фотограф был обыкновенным мошенником. Я это сразу поняла. Большинство тех, кто называет себя медиумами, страдают галлюцинациями. То, что они показывают, – это либо какие-то неисправности камеры, либо проблемы со вспышкой, либо частички пыли на пленке. Но мы с Эмметом решили купить камеру. И в ту же ночь отсняли четыре катушки инфракрасной пленки – в полной темноте. В углу, над нашей кроватью, было что-то вроде лужицы яркого света, как будто эта энергия смотрела на нас, пока мы спали.

– Ваш сын... – прошептала Эбигейл.

– Мы с Эмметом всегда были художниками, потому и жили в Сан-Франциско. После того случая мы бросили все и полностью посвятили себя паранормальной фотографии. Это нечто особенное – идеальное пересечение искусства, истории и служения.

– Что ты имеешь в виду под служением?

– Видишь ли, в фотографиях паранормальной активности важна не их эстетическая ценность. Есть так называемые страдающие духи, которые, по каким-то причинам, не ушли с Земли после смерти. Важнейшая часть нашей работы – помогать им уйти. Никакого кайфа в этом для нас нет. Это не охота за призраками. Это наше призвание. Если б Тай не умер, мы, возможно, никогда бы не выбрали этот путь. Вот так вот. Разве не прекрасно и не печально, как все сложилось?

Неожиданно Джун вложила в руку Эбигейл маленький пластмассовый цилиндр.

– Что это? – удивилась девушка.

– Эммет отснял это по дороге сюда.

– Он снимал меня?

– Тебя и Лоренса.

– Ну... Спасибо, но, сказать по правде, я не уверена, что хочу этого.

Джун сжала ее руки.

– Делай так, как считаешь нужным.

Эммет закончил съемки участка Кёртиса, и группа двинулась дальше – шесть пар ботинок по сухой осенней траве. Теперь они шли вниз по склону. Эбигейл было немного не по себе: рассказ Джун убедил ее в том, что из-за смерти сына Тозеры немного тронулись

рассудком, однако она уже знала, что их история станет эмоциональным ядром ее репортажа.

В туманной дымке стали проступать формы и очертания окружающих построек. Путешественники стояли на заросшей травой улице с ветхими, покосившимися домишками, между которыми в звенящей тишине расползались щупальца тумана.

– Давайте начнем с салуна, – предложил Эммет, и Лоренс, перепрыгнув через пару досок – все, что осталось от пешеходной дорожки, – провел их через улицу и осторожно вошел в дряхлое строение.

– Давненько здесь не бывал, – сказал он, – так что за безопасность не поручусь. Пусть для начала войдут только Тозеры.

Супруги последовали за Кендалом, но уже через минуту Эммет появился в дверном проеме.

– Пожалуйста, выключите фонари, – попросил он. – Нельзя, чтобы туда проникал внешний свет, это повлияет на качество снимков.

Все, кроме самого Тозера, выключили фонари. Оставшись у порога, Эбигейл наблюдала за тем, как супруги обследуют помещение: луч света пробежал по накренившимся стенам и изъеденным жучками половицам, осколкам стекла от разбитых бутылок из-под виски и ржавым консервным банкам... Сосновый бар завалился, пробив заднюю стену, и через дыру, со-

здавая естественную задымленность, в салун вползал туман.

– Можешь войти, – шепнул Лоренс дочери. – Только будь внимательна, смотри под ноги и не подходи к плите. В крыше, если посмотришь вверх, приличных размеров дыра. И дождь, и снег – всё сюда. Удивительно, как эти доски до сих пор не провалились.

Фостер осторожно переступила порог и сразу почувствовала, как пол прогнулся под ее весом. Внутри пахло плесенью, сурками и всем прочим, что приносил сюда из каньона туман. Эммет и Джун стояли вместе у стены напротив пузатой печки, около пианино, у которого не хватало половины клавиш. Оставшиеся потрескались, облупились и напоминали ломаные зубы.

Тозер выключил свой фонарик, и тишину заполнили щелчки фотоаппарата.

Пока он снимал, Эбигейл подошла к его жене и, наклонившись, тихонько спросила:

– А эти духи бывают...

– Злыми? – рассмеялась Джун. – Нас часто об этом спрашивают. За все годы работы нам встретился только один по-настоящему агрессивный дух. Большинство, девяносто девять процентов, растеряны, одиноки и целиком поглощены собственными скорбями. Это даже забавно, потому что после смерти все

твои прижизненные проблемы уже ничего не значат.

Журналистка включила магнитофон.

– Расскажи про того, агрессивного.

– Несколько лет назад нас попросили очистить одну церковь около Монтеррея. Тамшний дух запирает двери, передвигал мебель и вообще доставлял массу неприятностей. Мы приехали. Встретились с проповедником – таким ревностным фундаменталистом. Он нам и говорит: «Почувствуете его присутствие и сразу говорите мне, а уж я от него избавлюсь – покажу, как это делается». А я отвечаю: «Так вот же он, прямо здесь». Тогда священник и заявляет: «Властью, данной мне Иисусом Христом, приказываю тебе убраться отсюда!» И тут через всю церковь, прямо в кафедру, летит стул. Священник подхватился – и к двери! Перепугался чуть ли не до смерти. Сбежал – и все кончилось.

– И что, по-вашему, это было? Демон? Вы верите в демонов и ангелов?

– В ангелов – да. В демонов... Даже не знаю. Потом выяснилось, что та церковь была перестроена из приюта. Возможно, дух получил там при жизни какую-то травму... В любом случае церковь ему точно не нравилась.

– А как, по-вашему, он ухитрился бросить стул?

Вместо Джун девушке ответил из дальнего угла Эм-

мет:

– Эти духи, когда умирают, становятся чистым разумом. Знаете, на что мы были бы способны, если бы получили доступ к восьмидесяти процентам возможностей нашего мозга?

– Вы имеете в виду телекинез? – уточнила Фостер.

– Верно.

– Должна сказать, что меня удивило, как мало оборудования вы с собой захватили. Я почитала кое-что на эту тему, когда готовилась к экспедиции, и думала, что увижу термальные сканеры и...

– Счетчики Гейгера, ионные детекторы, датчики электромагнитных полей, – усмехнулся Тозер. – Позвольте кое-что вам объяснить. Все это полная чушь. По-настоящему требуются только фотоаппарат и пленка, потому что если ты, входя в комнату, не чувствуешь это нутром, то занимаешься не своим делом и только тратишь понапрасну время.

Эммет включил налобный фонарь, и Эбигейл обнаружила, что Джун успела отойти к одному из окон и смотрит из него на что-то через улицу.

– Лоренс, – прошептала миссис Тозер, – а вон там что случилось? – Остальные подошли к ней, и Джун протянула руку. В темноте путешественники с трудом различили эркерное окно на втором этаже здания напротив. – В той комнате что-то произошло?

– Если что-то и произошло, то мне об этом ничего не известно, – пожал плечами профессор. – Обычная комната, одна из лучших в гостинице. А что?

– Кто-то смотрит на меня из того окна, – сказала женщина.

И хотя Эбигейл понимала, что это все ненастоящее, по спине у нее пробежал холодок.

– Сам я там не был, но попробовать, конечно, можно, – решил Лоренс.

Глава 13

За сто девятнадцать лет дождь, снег и высокогорное солнце выбелили печатные буквы на стене здания, так что в свете налобных фонарей проступали лишь едва заметные буквы «ГОСТИ...» Если не принимать в расчет особняк Бартоломью Пакера, это здание было самым большим и самым прочным во всем городе-призраке – двухэтажное кирпичное строение с некогда роскошной столовой на первом этаже и семью номерами на втором. Средняя из трех выходящих на улицу комнат называлась «Президентскими апартаментами» и отличалась от прочих большим эркерным окном, нависавшим над входом в гостиницу.

Лоренс прошел через высокий дверной проем. Остальные последовали за ним, и вскоре вся группа собралась в вестибюле – длинном, но узком помещении с двумя расположенными напротив друг друга арочными проходами, регистрационной стойкой и широкой, уходящей вверх лестницей.

– Во всем Абандоне эта гостиница была единственным кирпичным зданием, – сообщил профессор. – Построили ее в тот период, когда шахта работала вовсю и люди думали, что городу суждена долгая жизнь.

Эбигейл прошла под аркой слева. Луч фонаря

скользнул по бывшей гостиной, заставленной полуразвалившейся викторианской мебелью и уснувшим больше ста лет назад камином. Над окнами висели ключья портьер, а в углу, опасно накренившись, стоял бильярдный стол с отломанной ножкой.

Фостер замерла, затаив дыхание.

Вырванные лучом из темноты, на нее смотрели глаза – рогастая голова огромного лося свалилась с подставки над камином и лежала на боку, вся в пятнах плесени.

Журналистка вернулась в вестибюль. Все столпились у второго прохода, ведущего в столовую. В начале 1890-х здесь был, возможно, лучший из ресторанов Абандона, но теперь от него остались только перевернутые, покалеченные столы да поломанные стулья. Три висевшие под потолком люстры давно сорвались с креплений и разбились на полосатом, белом с черным, деревянном полу: крошечные стеклянные и хрустальные осколки поблескивали под светом фонарей, будто группа забрела в ледяную пещеру.

– Есть желающие отведать столетнего бурбона? – Все повернулись к Скотту, стоявшему за барной стойкой красного дерева с пыльной бутылкой в руке.

Желающих не нашлось, и все возвратились в вестибюль.

– Вот как мы поступим, – сказал Лоренс. – Второй

этаж я ни разу не осматривал, поэтому мы сейчас поднимемся по лестнице. Строго по одному. Ступать осторожно, полегче, не топать.

Он сам первым положил руку на шаткие перила. Первые четыре шага дались Кендалу без проблем, но каждая последующая ступенька скрипела сильнее предыдущей. Последние три, однако, вообще не издали ни звука, и ученый, благополучно поднявшись на пятнадцать футов, достиг верха и предстал в желтоватом свете луны.

– Кто следующий? – оглянулся он на своих спутников.

Следующей была Джун, за ней Эммет. Эбигейл выбрала тот же, что и он, маршрут – ровно посередине лестницы.

– У тебя отлично получается! – крикнула миссис Тозер, когда пятая ступенька громко скрипнула под ногой журналистки. Три другие были еще хуже: каждая опасно прогибалась под ней. Пульс у девушки участился, легким недоставало воздуха, паника нарастала... Последние ступеньки она прошла быстрее, чем следовало бы. В самом конце Лоренс и Эммет протянули руки и втащили ее наверх.

– Страшновато! – призналась Эбигейл.

Стоя рядом с отцом, она наблюдала за тем, как поднимается их проводник Скотт. Он демонстрировал

прямо-таки образец выдержки и уверенности, как и подобает человеку, привычному к опасным ситуациям. Сохранив спокойствие даже на самых скрипучих ступеньках, он почти достиг верха, и Фостер уже видел, что он усмехается.

Сойер подмигнул ей, поставил ногу на последнюю ступеньку...

Тут раздался сухой треск, и он исчез.

Лестница обрушилась с громким хрустом, в облаке пыли, под крики зрителей. Откашлявшись, Эбигейл направила свет фонарика вниз, со страхом ожидая увидеть распостертого среди обломков Скотта.

Крик, показавшийся ей в первую секунду криком боли, обернулся смехом, а в следующий момент она увидела вцепившиеся в край пола пальцы и поняла, что Сойер висит над рухнувшей лестницей, и его ноги болтаются в семи футах над обломками.

– Он здесь! – крикнула девушка. – Помогите ему подняться!

Лоренс и Эммет опустились на колени и подхватили проводника под мышки.

– Может, мне лучше прыгнуть? – спросил Скотт. – Здесь невысоко.

– Не самая хорошая идея, – возразила Эбигейл. – Там, внизу, прямо под тобой, доски с гвоздями.

– Я его не удержу, – предупредил ее Кендал. –

Пальцы соскальзывают! Бери его под руку!

Совместными усилиями, хрипя и чертыхаясь, они потащили Скотта вверх. Их старания не прошли даром, и вскоре проводник перевалился через край пола, а троица спасателей, не удержав равновесия, рухнула рядом с ним.

– Как вы там? – крикнул снизу Джеррод. – Все целы?

– Да, все отлично, – отозвался Соьер. – Подходи ближе. У меня в рюкзаке веревка, и мы втащим тебя сюда.

– Я, пожалуй, подожду вас здесь.

Лоренс помог Джун и Эбигейл подняться, и группа двинулась по коридору второго этажа, не забывая проверять прочность пола. Наконец профессор остановился перед закрытой дверью с потемневшей табличкой с цифрой «6», висящей перевернутой на ржавом гвозде.

Глава 14

Один за другим все пятеро вошли в комнату, и полосы света разбежались по сторонам. Ободранные и свисающие со стен бумажные обои напоминали скрутившуюся кору осин. Мебель, не считая сломанных столбиков кровати и перевернутого письменного стола, сохранилась относительно неплохо. Вода разрушила потолок и южную стену и полностью или частично уничтожила холсты в лежащих на полу рамах.

На дверной раме Эбигейл обнаружила и переписала надпись, сделанную второпях небрежным почерком: «*Здесь творится что-то ужасное*».

– Милая, ты ощущаешь эту тяжесть? – спросил Эммет свою жену.

– Да. Здесь намного холоднее, – отозвалась та. – Комната буквально проседает.

– А почему некоторые места паранормально горячие? – шепотом спросила Эбигейл.

– Обычно так бывает из-за сильных, не находящих выхода эмоций, – объяснил Тозер.

Обходя комнату, Джун подошла к огромному платяному шкафу и потянула на себя его дверцу. Внутри висели нижние юбки и вечерние платья, настолько изъеденные временем, что они наверняка бы рассы-

пались в пыль при малейшем дуновении ветра.

На комодe в углу, возле кровати, обнаружилась целая коллекция фарфоровых фигурок. Интересно, подумала Эбигейл, как им удалось остаться нетронутыми столько лет? Рядом с фигурками, лицевой стороной вниз, лежала пустая рамочка.

– А *ты* что-нибудь здесь чувствуешь? – шепотом спросил, подойдя к ней сзади, Лоренс.

– Чувствую, что все это полная чушь, – ответила журналистка.

Они повернулись и увидели, как Джун подходит к эркерному окну, в котором, на удивление, недоставало только одной стеклянной панели. В нише притаился развалившийся диван.

– Она часто сидела здесь, – тихо, ни к кому не обращаясь, пробормотала миссис Тозер, – смотрела в окно, на мир без нее. – Внезапно она сползла по стене на пол, опустила голову на колени, а потом поднялась и приняла позу ребенка.

– Господи... – прошептала Эбигейл.

Эммет подошел к ним с Лоренсом.

– Вы действительно ничего не знаете об этой комнате? О ее истории? Ничего-ничего? – начал он спрашивать профессора. – Помочь могла бы даже мельчайшая деталь.

Кендал покачал головой.

– Извините, но... Я много знаю об Абандоне, но есть и белые пятна.

– Почему бы вам двоим не пройти дальше и не выключить фонари? Я собираюсь здесь поснимать, – попросил их Тозер.

Они выключили фонари, и комната погрузилась в темноту. Эммет сделался неслышной тенью – только половицы поскрипывали у него под ногами – и тишину нарушали лишь щелчки камеры да глубокое, ритмичное дыхание Джун, неподвижно стоявшей на коленях у эркерного окна. Глаза Эбигейл только начали привыкать к темноте, когда фотограф закончил съемку.

– Хочу поскорее проявить пленку, – прошептал он. – Думаю, кое-что здесь есть.

– Какой камерой вы пользуетесь? – спросила Фостер. – Мне для статьи нужна вся техническая информация.

– У меня «Минолта Икс-семьсот». У старых моделей есть одно-единственное преимущество – отсутствие электроники, которая влияет на пленку. Большинство более новых камер даже не фиксируют инфракрасное излучение из-за его особой чувствительности.

– А что такое инфракрасное излучение? Оно воспринимается как тепло и холод, так?

– Нет. Инфракрасное лежит за пределами видимого

спектра, так что наши глаза его не видят.

– Она слышит церковный колокол, – прошептала Джун. – Она видит их всех, видит, как они проходят мимо, но не выходит из комнаты.

– Какие-нибудь особенные объективы? – продолжила расспрашивать ее мужа журналистка.

– Этот – два-восемь-семь-ноль. Иногда, в зависимости от условий, пользуюсь пятидесятимиллиметровым. Вот, посмотри. – Тозер снял с шеи и передал Эбигейл фотоаппарат, и она заглянула левым глазом в видоискатель.

– Ничего не вижу.

– Лоренс, включите фонарик, – попросил ее собеседник.

Вспыхнул свет.

– Ух ты, все красное! – воскликнула девушка.

– Да, здесь стоит фильтр номер двадцать пять.

Джун вдруг поднялась, прошла к открытому гардеробу и начала ощупывать одно из вечерних платьев. Лицо ее выражало то особое напряжение, которое бывает у людей, впавших в транс. Воспользовавшись моментом, Эбигейл переместилась к эркерному окну и посмотрела вниз, на улицу, через старое стекло.

А потом она подняла камеру Эммета, заглянула в видоискатель и позвала своего отца:

– Лоренс, можешь немного посветить?

Тот подошел, встал рядом, направил фонарь на салун, стоящий на другой стороне улицы, и повернулся к Эммету.

– Знаете, хочу перед вами извиниться. За те шуточки насчет Абандона и летающей тарелки пришельцев.

– Ничего страшного, – улыбнулся Тозер.

– Нет, я вел себя по-свински. Позвольте поделиться с вами моей теорией насчет того, что здесь случилось.

– Вы точно этого хотите?

– Да. Если б я опубликовал это, в академии меня на смех подняли бы.

Там, где проходил луч света, ночь сделалась темно-красной, и Эбигейл вдруг поняла, что обязательно напишет об этом моменте, о том, что почувствовала, когда посмотрела в видоискатель через фильтр номер двадцать пять с надеждой обнаружить в этом море красного потерянных духов. Может быть, Эммет, делая снимки, только притворялся, что ищет духов, но кто помешает ей немножко приукрасить? Представить всю его странную профессию сексуальной и эксцентричной... А ведь действительно может получиться что-то феноменальное!

– Но, принимая во внимание то, как город исчез – как все вдруг бросили свои дома, не оставив никаких свидетельств о случившемся, ни костей, ни... – рас-

сказывал у девушки за спиной ее отец.

Что-то вышло из салуна и побежало по улице. Она опустила камеру.

– ...я пришел к выводу, что...

– Лоренс, ты это видел? – Эбигейл обернулась.

– Что?

К ней подошел Эммет.

– Что такое?

– Из салона что-то вышло и побежало по улице, – рассказала журналистка.

– Возможно, олень, – подал голос Скотт. Все это время он стоял у двери, прислонившись к стене и молча за всем наблюдая. – Здесь столько зверья...

– На оленя не похоже – оно двигалось иначе, – возразила журналистка.

– Как двигалось? – уточнил проводник.

– Как человек. Лоренс, ты разве не видел? Оно прошло точно через то место, куда ты светил.

– Нет, я ничего не видел.

Эбигейл вернула Эммету камеру, пересекла комнату, вышла через открытую дверь в коридор и быстро зашагала туда, где еще совсем недавно была лестница.

– Эй! – крикнула она вниз, в темный вестибюль.

Джеррод погасил свой фонарь. Журналистка включила свой и направила свет через обломки лестницы

к регистрационной стойке, где проводник стоял еще несколько минут назад.

– Вы что-нибудь там видели? – спросила она его.
Ее вопрос ушел в тишину.

Эбигейл посветила в сторону одной арки, потом другой.

– Джеррод?

По коридору к ней проскользнула тень.

– Скотт? – обернулась Фостер.

– Да.

– Джеррод ушел.

Сойер встал рядом, включил фонарик и поводил лучом по вестибюлю.

– Джеррод! – позвал он, после чего немного подождал и, сложив ладони рупором, крикнул еще раз: – Джеррод! Ты где?

Из номера вышли все остальные.

– Что случилось? – спросила, подходя, Джун.

– Джеррод пропал, – объяснила журналистка.

Теперь уже все пятеро смотрели вниз и прислушивались.

– Думаешь, что-то случилось? – спросил Лоренс.

Скотт опустил на колени, расстегнул рюкзак и достал моток веревки.

– Спустишь и посмотрю, что там происходит.

Глядя сверху, как он разматывает веревку, Эбигейл

уловила в его голосе встревожившую ее напряженность. Сойер забежал в ближайший номер, трижды обмотал веревкой стоявший там внушительный комод и завязал узел. Потом он вернулся в коридор, толкнул моток вниз, опустился на колени, перебрался через край и осторожно соскользнул вниз, на обломки лестницы.

– Если хотите подождать здесь, я вернусь через минутку, – повернулся он к своим подопечным.

– Подожди, – сказал Лоренс. – Я с тобой.

Повторить маневр так же легко, как это получилось у проводника, ему не удалось, но он все же спустился вполне благополучно, и оба вышли из гостиницы через переднюю дверь.

Джун, Эммет и Эбигейл остались в коридоре и сели на пол.

– Надеюсь, все обойдется, – сказала миссис Тозер. Ее муж повернулся к Фостеру.

– У вас есть запасные батарейки для фонарика?

– В лагере. А что?

– Он у вас гаснет.

Девушка стащила с себя налобный фонарь, и в следующий момент лампочка в нем погасла.

Глава 15

Эбигейл нажала кнопку подсветки на часах – 21:59.
– Их нет уже десять минут, – прошептала она.

Тозеры выключили налобные фонарики, чтобы поберечь батарейки, и теперь журналистка видела каждого из них как пару белых полумесяцев вокруг темных радужек глаз.

В одной из комнат второго этажа что-то громко стукнуло, как будто ставня ударилась об оконную раму.

– Ветер, – сказал Эммет.

Они посидели еще какое-то время, слушая, как скрипит на ржавых петлях и бьется об окно ставня. В конце концов Тозер нехотя поднялся.

– Ладно. Я спущусь и посмотрю, что там.

– Нет, – возразила Эбигейл. – Пойдем все вместе.

Джун стала спускаться первой. Эммет и Эбигейл помогли ей перебраться через край, и она на секунду повисла над вестибюлем, вцепившись пальцами в пол и тихонько чертыхаясь, а потом медленно сползла вниз по веревке и, коснувшись ногами остатков лестницы, облегченно выдохнула:

– Слава богу!

Ее спутники последовали за ней, а потом все трое выбрались из обломков лестницы и двинулись мимо

регистрационной стойки к выходу.

За порогом гостиницы их встретила укрывшаяся туманом улица.

Ставня больше не стучала, и секунду-другую Эбигейл стояла в полной тишине, нарушаемой лишь редкими поскрипываниями да вздохами старого здания, сдерживающего напор ветра.

– Парни, вы куда ушли?! – закричал Эммет. Ему никто не ответил – только эхо пролетело слабеющим рефреном по каньону. Он крикнул еще раз. Снова эхо. И снова молчание.

Что-то мягкое и холодное коснулось лиц троих путешественников.

В свете фонаря Тозера кружили и падали снежинки.

– Что ж, – сказал он наконец, – я пойду в сторону лагеря. Джун, вы с Эбигейл двигайтесь в противоположную сторону. В рюкзаках есть свистки, так что если кого найдем, будем подавать сигналы ими.

– Мне не нравится разделяться, – не согласилась Фостер. – По-моему, это просто ужасно.

– Хорошо. Тогда давайте решать, в какую сторону мы пойдем и что... – Эммет вдруг замолчал. – Что еще за чертовщина?!

Он посмотрел куда-то мимо своих спутниц – недоуменно, хмуря лоб и открыв рот.

Что-то брело по направлению к ним по самой се-

редине улицы, и Эбигейл пришло в голову, что движения этого существа, медленные, неестественные и неуклюжие, напоминают нечто из фильма ужасов – демона или только что выбравшегося из могилы зомби. Оно было уже близко, футах в десяти от них, и ковыляло, приволакивая правую ногу и держась рукой за бок.

Скотт свалился у входа в гостиницу. Его желтая флисовая кофта пропиталась кровью, вытекающей из рваной дыры в жилете.

Эбигейл почувствовала, как у нее стянуло вдруг живот, а к горлу поднялся тошнотворный комок. Во рту появился солоновато-металлический привкус.

Эммет, упав на колени, осторожно приподнял голову Сойера.

– Что случилось? – спросил он в ужасе.

Проводник застонал. Его трясло, а бледное, обескровленное лицо как будто мерцало в темноте.

– Надо посмотреть, – прохрипел он. – Подними толстовку.

Тозер торопливо расстегнул его жилет и потянул «молнию» кофты. Эбигейл, наклонившись к уху раненого, зашептала, что все будет хорошо. Эммет отвернул край термального белья, и все с ужасом уставились на черную дыру у него в боку. Кровь стекала с бледного живота на старые доски и собиралась в мед-

ленно расползающуюся лужицу.

– Черт! – прошипел сквозь зубы Скотт. – Больно!

– Что нам делать? – спросила Фостер. – Ты – наш проводник. Ты ведь знаешь, как оказать первую помощь, да? Скажи, как нам тебе помочь?

Глаза у Сойера закатились, и она шлепнула его ладонью по щеке.

Мужчина очнулся и посмотрел на нее сквозь щелочки глаз.

– Бегите! – простонал он. – Они уже идут.

– Кто? – переспросила Эбигейл.

– Мы тебя не бросим, – сказал Эммет, но проводник закрыл глаза. – Скотт! Скотт! – настойчиво позвал его Тозер. – Джун, зажми рану и держи!

Его жена прижала ладонь к животу Сойера, и кровь просочилась сквозь ее пальцы.

Внезапно через весь каньон пронесся пронзительный крик.

– Выключи фонарь, Эммет, – прошептала Эбигейл.

Тозер поспешно выполнил ее просьбу. На мгновение все вокруг как будто притихло.

На ресницу журналистки опустилась снежинка. Она моргнула и поднялась.

– Нам надо убираться отсюда.

– Смотрите! – Джун протянула руку, и Эбигейл повернулась. Кто-то бежал к ним с северной окраины го-

родка, отчаянно работая руками.

– Это Джеррод, – сказал Эммет.

Фостер невольно попятилась, и тут из тумана за спиной их второго проводника выступили неясные фигуры. Первая достала что-то из-за пояса и, нагнав Спайсера, положила руку ему на затылок, как будто втиснув что-то в основание его черепа.

Не издав ни звука, бегущий человек упал.

Джун испуганно пискнула.

– Господи! – вырвалось у Эммета.

«Этого не может быть. Этого не может быть», – подумала Эбигейл. Но это было и происходило у нее на глазах. Тени миновали лежащее неподвижно тело Джеррода и теперь быстро приближались к гостинице.

– Разделяемся и бежим, – сказала журналистка. – Живо!

Глава 16

Город-призрак вскрикнул в пятне тумана. Эбигейл оглянулась через плечо – в дымке что-то двигалось, но определить, преследуют ли ее, девушка не смогла. Отбежав ярдов на сто от гостиницы, она свернула с главной улицы и остановилась, согнувшись и отдуваясь. Для нее, привыкшей жить в лежащем на уровне моря Манхэттене, атмосфера высокогорного Абандона была слишком разреженной. Легкие у бегуни горели. Она заползла в дыру, зиявшую в стене какого-то здания, и попыталась включить фонарь, но вспомнила про погасшую лампочку.

Постепенно из темноты начали проступать очертания предметов – стол, разбитые стулья, высокие окна, развалившаяся печь... Эбигейл поняла, что попала в танцевальный зал.

Часть потолка в дальнем углу обрушилась на небольшую сцену.

Снаружи послышался звук приближающихся шагов, и Фостер легко и быстро прошла по сгнившим половицам. Одна или две скрипнули под ногами, и ей вспомнилась лестница в гостинице – как та внезапно обвалилась. Журналистка остановилась перед проломом в полу и посмотрела на ведущую на улицу

двойную дверь. Шагов слышно не было – только ее собственное учащенное дыхание. А потом... Шорох за разбитыми окнами... кто-то пробежал по улице...

Эбигейл опустилась на колени и полезла в пролом, но зацепилась рукавом парки за гвоздь и разодрала и парку, и заодно свою розовую флисовую кофту, и даже панталоны – до самой кожи.

Расстояние между полом и землей было не больше трех футов. Чувствуя под собой замерзшие лужи, Фостер отползла как можно дальше от пролома и остановилась, когда нашла относительно сухое место. Съежившись в темноте под полом танцзала и дрожа от нервного возбуждения, она почувствовала, как по ее правой руке ползет теплая струйка крови. Собственное дыхание оглушало, но девушка ничего не могла с собой поделаться. Вдобавок ко всему у нее закружилась голова.

«Что случилось с Лоренсом? Что случилось с моим отцом?» Прямо над нею скрипнула половица, и Эбигейл затаила дыхание. Сердце ее колотилось так сильно, что пульсировало даже в глазах. Пол снова прогнулся. Она подняла руку – определить, насколько сильно, – и ее пальцы, пройдя между половицами, коснулись подошвы ботинка.

Девушка замерла. Целую минуту, а может, даже больше – ни движения, ни звука. От неудобного поло-

жения у нее начали неметь ноги. «Прислушиваются. Услышали что-то? Что? Как стучит мое сердце?» Порез на правой руке напомнил о себе болью. Пот затекал в глаза, и журналистка крепко зажмурилась.

Ее детство прошло в пригороде Балтимора. Она всегда была сорвиголовкой и летом, пятничными вечерами, обычно шла в городской парк, где играла с соседскими мальчишками в придуманную ими самими «Смертельную игру». Кого-то одного называли «убийцей», и все остальные имели в своем распоряжении минуту, чтобы убежать и спрятаться. Потом «убийца» отправлялся на охоту, и тот, кого он касался, считался убитым и должен был лежать на земле, пока «убийца» не отыщет остальных. Однажды Эбигейл спряталась под «горкой» и оттуда наблюдала за прошедшим рядом охотником. Она до сих пор помнила особое чувство, смешанное с напускным страхом радостное возбуждение, которое испытала тогда.

Наконец ботинок перестал давить ей на палец. Послышались удаляющиеся шаги.

Лежа в темноте и пытаясь понять, что происходит, Эбигейл услышала в другом конце городка голос зовущей мужа Джун. «Может быть, остаться здесь, в подполе? Отсидеться несколько дней? Но что, если они видели меня? – вертелись мысли у нее в голове. – Если знают, что я в городе? Днем они за несколько ча-

сов проверят все дома. Безопаснее постараться уйти сейчас, под покровом темноты».

Она вспомнила про сотовый телефон, лежавший в верхнем отделении рюкзака, оставшегося в ее палатке. Позвонить из каньона, скорее всего, не получится, а вот на перевале сигнал был, и ей даже удалось поговорить с матерью.

Журналистка проползла по лужам и грязи к пролому в полу, осторожно приподнялась и выглянула.

В танцзале никого не было. Джун больше не звала, не кричала, и даже ветер как будто стих. Эбигейл выбралась из подпола. Лежа на досках, она чувствовала себя в большей безопасности, и потому решила не вставать, а ползком добраться до той дыры в стене, через которую и попала сюда.

Приникнув к щели между обшивочными досками, Эбигейл долго всматривалась в туман. Бежать в лагерь через весь город слишком опасно. Лучше пробраться по боковой улочке, подняться по склону и укрыться над Абандоном, а потом спуститься прямоком в лагерь, предварительно убедившись, что там никого нет. Аккумулятор в телефоне заряжен. Если удастся поймать сигнал, позвонить 911. Если, что вероятнее, сигнала не будет, придется идти к перевалу – это примерно час пути.

Фостер постояла еще немного, успокаиваясь, а за-

тем сделала несколько глубоких вдохов, наполняя легкие кислородом и готовясь к броску. Одна мысль, как ни старалась она загнать ее поглубже, не давала ей покоя: «Если они увидят меня, мне конец».

Наконец девушка нырнула в дыру, вышла на боковую улочку и побежала. Еще немного... еще пять секунд – и она выберется из города-призрака.

Что-то метнулось к ней из-за танцзала. Ладонь накрыла ее рот.

– Тсс! Это я, Эбби. – Голос принадлежал Лоренсу, который увлек журналистку за угол.

– Джеррод мертв, Скотт сильно ранен, – сказала она.

В доме на другой стороне улицы хрустнуло дерево.

– Слушай, – прошептал Кендал, – на склоне есть дом с эркерным окном. Отправляйся туда, спрячься и не показывайся.

– У меня налобный фонарь погас.

– Возьми мой фонарик.

– А как же ты?

– Я подвернул лодыжку, так что за тобой все равно не угонюсь, а тебе надо поторопиться. Вот, держи. – Отец сунул ей в руки свой рюкзак. – Здесь револьвер и коробка патронов.

– Я не умею...

– Сумеешь, если захочешь жить. Это «Ругер». На

левой стороне рукоятки есть кнопка. Нажимаешь. Барабан открывается – вставляешь патроны. Револьвер самовзводный. Предохранителя нет. Просто отводи курок и стреляй. А теперь слушай. Когда я скажу: «Беги», – беги. Не останавливайся и не оглядывайся, что бы ни случилось. Я пойду другим путем. Постараюсь встретить тебя в том доме. Там что-нибудь придумаем.

Со стороны боковой улицы донесся звук шагов. Они приближались.

– Что здесь вообще происходит? – с ужасом спросила Фостер. – Кто эти...

– Не знаю, но тебе пора уходить. Беги!

Эбигейл поднялась, забросила за спину рюкзак и побежала.

Крепкие, могучие ели... заброшенные дома, унылые и призрачные в морозящем тумане... Фостер бежала, не поддаваясь отчаянному желанию обернуться. В какой-то момент она вылетела в узкую и длинную низину, поскользнулась на старом льду и, бухнувшись на спину, покатила вниз. Лед кончился, но ее понесло по щебню, пока она не врезалась в здоровенный валун. Из пореза над ее левой бровью хлынула кровь. Снизу, из Абандона, донесся крик. Эбигейл поднялась и побежала дальше. До леса оставалось рукой подать, и лежащий в сотне футов город-призрак

едва просматривался сквозь дымку тумана.

Вот и дом с эркерным окном – двухэтажный, целый. Журналистка наконец позволила себе оглянуться, но ничего не увидела – слишком темно, слишком туманно. Она подошла, огляделась, заметила дверной проем, проскользнула в него и, перебравшись через груды досок, оказалась в пустой комнате. Эркерное окно было здесь – четыре стеклянные пластины с видом на город-призрак. Бросив на пол рюкзак, Эбигейл прикинула к другому, боковому, окну и сразу же заметила какое-то движение у основания склона, по которому только что поднялась сама. Их было двое, два черных пятнышка, крадучись пробирающихся между кустами. Потом они скрылись из виду за развалинами каких-то построек и снова появились несколькими секундами позже – уже немного ближе. Теперь девушка смогла рассмотреть их и обратила внимание на странные, деформированные глаза, выступающие вперед и напоминающие клыки. *Очки ночного видения. Они знают, что я здесь.*

Эбигейл опустила на колени в углу, развязала рюкзак, посветила внутрь и заметила тусклый блеск револьвера.

Она и не представляла, как у нее сильно трясутся руки, пока не попыталась достать оружие.

Зажав фонарик между коленями, Фостер рванула

на себя крышку коробки с патронами «.357 магнум». Эти патроны с экспансивными пулями раскатились по полу, причем бóльшая их часть провалилась между половицами. Журналистка нащупала кнопку на левой стороне рукоятки, нажала ее, и барабан открылся. Пальцы у нее дрожали так, что первый патрон вошел в гнездо только с третьей попытки.

Шаги приближались. Эбигейл зарядила еще три патрона, даже не зная толком, правильно ли это делает, – держать в руках оружие ей до сих пор не приходилось.

Заполнив все шесть гнезд, она задвинула барабан на место и поднялась. За окном снова пошел снег. Две тени приблизились: до них оставалось не больше двадцати ярдов. Поднимались они по крутому участку склона, карабкаясь на четвереньках, как пауки. Девушка выключила фонарик и присела в углу, подтянув к груди колени. Взвела курок. В полной темноте выделялись только прямоугольники эркерных окон. Кровь стекала в глаза. Контролировать дыхание не получалось: грудь вздымалась, но воздуха не хватало. *Ты должна успокоиться. Должна.*

Журналистка закрыла глаза. Отключила мысли. Сердце замедлило бег, и следом за этим пришла жуткая тишина. Ни шепчущих голосов, ни крадущихся шагов, ни далеких криков. Ничего.

Ледяной дождь стучал по железной крыше.

Эбигейл ждала. Прошла минута. Перед глазами у нее снова встала жуткая сцена – неясная фигура втыкает что-то в затылок Джерроду. И ужаснула ее не только жестокость случившегося.

«Почему это не дает мне покоя? – задумалась она. И вдруг вспомнила. – О, Господи!»

Готовя статью о посттравматическом стрессовом расстройстве у ветеранов, Эбигейл брала интервью у одного полковника спецназа. Речь зашла, в частности, о бесшумных убийствах, и полковник сказал, что самый тихий способ сделать это, вопреки распространенному мнению, заключается не в том, чтобы перерезать человеку горло. Когда перед спецназовцем – например, «морским котиком» – стоит задача убить мгновенно и с минимальным шумом, он наносит удар ножом в основание черепа под углом сорок пять градусов. Кость в этом месте тонкая, и лезвие проникает в продолговатый мозг, мгновенно отключая моторный контроль.

Так вот что случилось с Джерродом... Значит, они – спецназовцы?

В нескольких футах от девушки кто-то выдохнул.

Скрипнула половица.

Страх разлился ртутью, ее палец сам потянул спусковой крючок, и вспышка выстрела обожгла ей глаза.

От грохота зазвенело в ушах. Вспышка на мгновение осветила комнату, и Эбигейл успела увидеть руины интерьера и двух мужчин в ночном камуфляже, с масками на лице, и автоматические пистолеты с глушителями.

Они стояли у эркерного окна, один – в которого, по-видимому, и попала пуля, – на коленях.

Отводя курок, Эбигейл услышала шипение сжатого воздуха. В ее парку впились зубчатые электроды, и в следующую секунду она уже лежала, дергаясь и крича, на полу.

Глава 17

Молли Мэдсен сидела у эркерного окна, попивая из бутылки вино с кокаином. Главную улицу заметал снег. Метель мела всю ночь. Мэдсен даже проснулась один раз, разбуженная сходом лавины, смявшей лес под городом.

Снег лежал ровной белой целиной. В домиках на склоне растопили печи и камины, и из труб поднимались тонкие струйки дыма. Первой по свежей белизне прошла изящная блондинка. *Та симпатичная пианистка.* Молли часто смотрела в окна салуна, наблюдая за игрой этой молодой женщины. Иногда, поздно вечером, когда на улице было тихо, она даже слышала из гостиничных апартаментов звуки музыки.

Шаги за спиной... На плечи ей легли сильные руки. Очистив апельсин из корзинки, оставленной накануне вечером Иезекилем и Глорией Кёртис, женщина предложила подошедшему дольку. Комната наполнилась цитрусовым ароматом.

– Я тут думала, Джек... Может, съездим весной в Сан-Франциско? – предложила Молли. – Я так устала

от этого ужасного снега...

– Чудесная идея.

Она сжала его руку. Джек смотрел на нее сверху полными обожания глазами.

– Помнишь, как я впервые тебя увидел? Шел вечером по улице Сан-Франциско и вдруг узрел восхитительное создание. Я снял шляпу, улыбнулся...

– Оно улыбнулось в ответ?

– О нет, нет! Это была настоящая леди, а настоящие леди так не поступают. Она лишь кивнула, а я подумал, что должен обязательно выяснить, кто эта женщина.

– И что ты сделал?

– Отправился за нею на бал.

– А потом?

– Мы танцевали. Танцевали всю ночь.

– Помнишь, что на ней было?

– Вечернее платье цвета роз. Ты была самым изысканным созданием из всех, что я когда-либо видел. Была и остаешься.

– Я так счастлива, Джек. – Молли поднялась с дивана и повернулась к мужу. Она вышла за него в восемьдесят третьем, и он нисколько не изменился с тех пор – те же короткие светлые волосы, квадратный подбородок, ледяные голубые глаза и даже тот самый фрак, что был на нем в день их первой встречи. – Поз-

воль показать, что я хочу на Рождество. – Она расстегнула несвежий корсет и повела плечами, дав ему упасть на пол, а потом стянула через голову сорочку, бросила ее в шкаф и забралась на кровать. – Дже-е-е-ек... – Женщина прошептала его имя, как молитву, погрузив пальцы в болотистый жар между бедер.

Глава 18

По пути на поздний рождественский завтрак в особняке Пакера Иезекиль, Глория и Стивен то и дело поглядывали на крутые безлесные склоны по обе стороны от дороги, ловя малейшие сигналы, оповещающие о возможном сходе лавины. Несколько обвалов уже случилось ночью – лежа в постели, в теплом доме, они слышали их, как громыханье далекой канонады. Перед предательской низиной между двумя горами проповедник вознес молитву о защите от снежной напасти. На каждом шагу снегоступы проваливались на полтора фута. Выбравшись из низины, лежавшей на излюбленном лавинами маршруте, вся компания остановилась передохнуть возле бьющего из горы ключа.

Кёртис и Коул утоптали небольшую площадку, чтобы можно было посидеть не проваливаясь, после чего проповедник окунул в озерцо индейскую чашку и, набрав воды, предложил Глории сделать первый глоток.

– Нет, спасибо, – отказала та. – Боюсь, я только продрогну еще сильнее.

– Зек? – обратился Коул к ее мужу.

– Нет, Стив, ты уж сам.

Они сидели в холодной и величественной тишине.

Иезекиль стащил подбитые флисом перчатки, достал жестянку с табаком «Принц Альберт» и принялся набивать трубку.

Рельеф впереди выравнивался и переходил в низину с озером посередине, цвет которого в летние месяцы менялся на люминесцентно-зеленый, как будто оно покоилось на огромном изумруде, подсвеченном снизу солнцем. Но и в самую жаркую пору никто не задерживался в воде больше чем на минуту, из-за чего жители Абандона присвоили озеру высший из имеющихся в их словесном арсенале температурный ранг – «охренительно холодное».

Убрав под котиковую шапку выбившиеся блондинистые прядки, Глория невольно поежилась, хотя и надела предусмотрительно две нижних юбки и шерстяной жакет мужа, а также натянула две пары чулок и закуталась в широченный дождевик.

– Стивен, можно спросить вас кое о чем? – обратилась она к проповеднику.

– В любое время и о чем угодно, – откликнулся тот.

Иезекиль, выпустив пару колечек дыма, молча наблюдал за тем, как их разбивают легкие снежинки.

– А можно, чтобы это осталось между нами? – попросила женщина. – Потому что никто в Абандоне не знает о том, что я сейчас вам скажу.

– Чего это ты, а, Глори? – подал голос ее супруг.

– Хочу спросить проповедника кое о чем.

– Не надоедай ему своими...

– Зек, – остановил его Коул, – пусть скажет, что у нее на уме. Я здесь именно для того, чтобы по возможности помогать людям.

– Не трогала б ты это, – предупредил жену Иезекиль, но его совет остался без внимания.

– Мне нелегко об этом говорить, Стивен... – продолжила миссис Кёртис. – В прошлом я была шлюхой.

– А, черт! – проворчал шериф.

– А Зек был преступником. В свое время убил несколько человек. Каждый из нас нагрешил за десятых. Мы изменились. Нет, до совершенства нам далеко, но мы теперь приличные люди – или, по крайней мере, пытаемся ими быть.

– Верю. – Коул смахнул снег с полей своей фетровой шляпы.

– Я потому рассказываю вам об этом, что хочу узнать о Божьем наказании.

– А точнее? – попросил проповедник.

– Год назад кое-что случилось...

– Я это слушать не стану. – Иезекиль поднялся и прошел вверх по тропе, где и остановился спиной к жене и ее собеседнику, покуривая трубку и оглядывая заснеженную равнину.

– Продолжайте, Глория, – сказал Стивен.

– В прошлом январе мы жили в Силвер-Плам. У нас был сын по имени Гас. Однажды утром они с Зеком отправились погулять. Стояли у дороги, ждали, когда можно будет перейти, и ручонка нашего малыша выскользнула из руки Зека. Мальчик шагнул и упал напрямиком под экипаж... – Коул протянул руку и коснулся плеча Глории, а она смахнула слезу. – Сначала на него наступила лошадь, а потом колесо переехало ему шею. Никто не виноват. Ни кэбмен, ни Зек.

– Ни вы сами.

– Гас умер на месте... там же, на улице.

– Мне очень жаль, Глория.

– А теперь, Стивен, я хочу, чтобы вы сказали мне кое-что.

– Я постараюсь.

– Как я уже говорила, мы с Зеком были нечестивцами. И после смерти Гаса я постоянно слышу голосок, который говорит, что Бог забрал нашего сына в наказание за все плохое, что мы сделали. Это ведь не так, правда? Бог ведь не такой?

Спокойные карие глаза проповедника как будто потемнели. Он отвернулся, а когда заговорил, голос его звучал иначе – жестче и суровее:

– Вы спрашиваете, не поклоняемся ли мы мстительному Богу?

– Да.

– Не думаю, что я – тот, кто может дать вам ответ.

– Почему?

– А что, если я скажу, что голос, звучащий у вас в голове, прав? И вполне возможно, что это Он забрал у вас сына?

– Если это правда, то я ненавижу себя и Зека за то, какими мы были. И ненавижу Бога за то, каков Он есть.

– В таком случае, Глория, нам не стоит продолжать этот разговор. Я не хочу быть ответственным за то, что отвернул кого-то от веры. – Опершись на посох, проповедник поднялся на ноги. – Жаль, но большего утешения я вам дать не могу.

– Но на прошлой неделе вы читали проповедь о безусловной Божьей любви.

Стивен наклонился, протянул миссис Кёртис руку и помог ей встать.

– Это то, что люди хотят услышать, – сказал он. – Бог нужен им, как великодушный отец, готовый защитить, помочь, обеспечить, но не требующий платить по счету. В такого Бога я больше не верю.

– Но верили еще в прошлое воскресенье, так что же вас так изменило?

– Не что, Глория, а кто. Сам Бог. – Коул повернулся и направился к дороге, и его мягкие глаза блеснули – столь глубока была его потеря и столь силен гнев.

Глава 19

Изумрудное озеро лежало под десятью футами снега. К тому времени как они вышли на него, метель улеглась, и проскользнувший между тучами луч света упал на вспыхнувшую ослепительной белизной зазубренную кромку окружающего впадину горного гребня.

Вдалеке материализовался особняк, уютно устроившийся на краю озера.

– Сколько на него ни смотрю, – заметил Иезекиль, – а лучше не становится.

– Место действительно не самое подходящее, – согласился Стивен.

Владения Пакера, названные им Изумрудным домом, представляли собой четыре симметричных крыла, сходящихся к увенчанному куполом центральному блоку. Верхние этажи его были обшиты дранкой из кедра, а нижний сложен из камня. Над остроконечной крышей высились многочисленные кирпичные трубы.

– А вот это странно, – сказал Кёртис. – Вы видите хоть один дымок над всеми этими трубами? Нет? На улице метель, а у него ни один камин не горит... Почему?

В некоторых местах сугробы доходили до окон второго этажа, но к центральному входу вел расчищен-

ный туннель между высокими, футов в пятнадцать, снежными стенами.

Все трое подошли к двойным дубовым дверям, и Стивен трижды постучал в них молоточком. Потом гости сняли снегоступы и немного подождали, после чего Коул постучал еще раз.

Глория прошлаь взглядом по карнизам.

– А вы не думаете, что он просто забыл о нас? – спросила она.

Проповедник ненадолго задумался.

– Возможно, он остался прошлым вечером в городе, – предположил он. – Решил не возвращаться, так как могла сойти лавина, – чтобы не застрять по пути домой.

– Что ж, мы пробилась сюда через пургу, и я намерен войти и выяснить, в конце концов, подадут нам завтрак за все наши старания или нет, – решительно заявил Иезекиль.

Он взялся за большую металлическую дверную ручку и потянул... Дверь открылась.

– По-твоему, так можно? – засомневалась его жена. – Входить без разрешения?

– По-моему, можно. – Шериф переступил порог.

Глория вздохнула и последовала за мужем вместе со Стивеном, который закрыл за собой дверь.

Из всех керосиновых ламп на первом этаже горела

только одна, в самом конце, в кухне – с того места, где они остановились, был виден слабый, дрожащий огонек. Через высокие окна в переднюю струился мягкий серый свет.

– Эй? – крикнул Иезекиль. – Есть кто-нибудь?

Его голос разлетелся по Изумрудному дому громким эхом.

Пройдя через переднюю, гости поднялись по многоуровневой лестнице под еловыми балками. Устроенная в месте соединения четырех крыльев лестница в каком-то смысле была сердцем особняка. Проходивший через световой люк жидкий свет падал с высоты в пятьдесят футов на мраморный пол между ступеньками.

– Холодновато, – заметил Стивен. – Давненько огонь не разводили. И разве в доме не должно быть прислуги? Если не ошибаюсь, Барт всю зиму держит здесь пять служанок.

Он прошел к северному крылу и заглянул через стеклянные двери в просторную комнату с кушеткой, диванчиками и креслами.

В противоположном крыле размещались столовая и банкетный зал. Кёртис обнаружил там только стулья и длинный, широкий стол – без скатерти, приборов и фарфора.

– Похоже, перспективы позавтракать выглядят не

слишком многообещающими, – пробормотал он. – Проверим комнату Барта. Ты, Стивен, помнишь, где она?

– Если не ошибаюсь, в восточном крыле, на следующем этаже. Выходит на озеро, – ответил проповедник.

– Держу пари, он прокутил всю ночь в салуне, набрался, а как приехал домой, так и завалился пьяный, – сказал Иезекиль. – Может, его еще и расталкивать придется.

Они поднялись на третий этаж и, громко оповещая о своем прибытии, направились в крыло Бартоломью, чьи богатства и причуды прятались на сей раз в полумраке.

Внезапно шериф остановился.

– Послушай-ка, Глори, тебе лучше сделать шагок назад, – сказал он своей жене.

Та опустила глаза, посмотрела на деревянный пол и увидела, что стоит в вязкой лужице крови. Она тут же отпрыгнула к мужу и прижала ладонь к губам, сдерживая крик.

– Вот так, а седло-то пустое... Дело тут нечисто, – сказал Кёртис. – Смотри, здесь еще! – Слабые следы крови вели к следующему лестничному пролету.

– Револьвер с собой? – спросил его Коул.

– Боюсь, не взял. Не думал, что понадобится в рож-

дественское утро. Вот что. Я собираюсь посмотреть, что здесь за чертовщина творится.

– Зек, не надо... – запротестовала супруга шерифа.

– Глори. – По тону, каким это было сказано, и по серьезности, которой она не слышала уже несколько лет, женщина поняла: с мужем лучше не спорить. – Оставайся здесь и ни с места. Понятно?

Направляясь к крылу прислуги, Иезекиль ощутил возбуждение, которого давно уже не испытывал. Не страх – он еще мальчишкой в Вирджинии научился ничего не бояться, – но некую легкость в животе, рожденную предчувствием чего-то, к чему у него всегда была склонность. Как в старые добрые времена, когда он, бывало, пускался с приятелями во все тяжкие. По правде говоря, кое-чего из того прошлого ему сильно не доставало. Кёртис любил Глорию, ему нравилось жить с ней, но по-настоящему живым он не чувствовал себя уже очень давно.

Иезекиль поднялся на предпоследний этаж, но кровавые следы здесь не кончались – на ведущих выше ступеньках и перилах тоже остались липкие пятнышки. Он пошел дальше, к небольшому куполу, превращенному Бартом в библиотеку: первые семь футов стен там были заставлены книгами, а последние пять уходили под углом к четырехскатной крыше.

Бессмыслица. Кровь на полу, на корешках книг, на

спинке кожаного кресла, но при этом в библиотеке нет ни души, в обоих каминах – ни уголька, и холод такой, что дыхание вылетало изо рта облачками пара...

Шериф задумался, но потом огляделся, заметил приставную лестницу, спрятанную за книжным стеллажом, посмотрел вверх, увидел люк и почти улыбнулся, вновь почувствовав иголки в животе. Вооружившись восьмифутовым латунным шестом с крюком на конце, он отвел задвижку, поднял крышку люка, а потом поднес и приставил к люку лестницу. Сверху в библиотеку начал падать снег.

Поднявшись на пятнадцать футов, Иезекиль выбрался на небольшую открытую веранду, верхнюю точку Изумрудного дома. Открывшийся панорамный вид на четыре крыла здания с трубами каминов и окружающую низину отвлек его на секунду от другой картины – пяти фигур возле кованого ограждения на восточной стороне веранды.

Барт Пакер и его прислуга.

Трое завалились лицом вперед и лежали, наполовину занесенные свежевыпавшим снегом. Двое еще сидели прямо, и одним из этих двоих был хозяин – с багрово-черным, изуродованным до неузнаваемости лицом. Похоже, его подвергли жестокому избиению. Обоим сидящим людям перерезали горло, и даже выпавший снег не смог скрыть лужи пролившейся крови.

– Сукин сын, – прошептал Кёртис. – Сукин сын.

Снова пошел снег, но ветер сметал его с крыши, так что на веранде почти ничего не оставалось. Шериф услышал приближающиеся шаги и оглянулся.

Стивен тоже поднялся на крышу.

– Черт, что ты делаешь?! – крикнул Иезекиль, перебивая шум ветра. – Тебе повезло, что я без оружия! Лежал бы сейчас кверху брюхом. И зачем ты оставил мою жену... – Увидев за спиной Коула поднимающуюся по лестнице Глорию, он метнулся к ней мимо проповедника и остановился так, чтобы заслонить от нее Барта и слуг.

– Ты видела? – спросил он ее нервно.

– Видела что? – не поняла женщина.

– Ох, Господи... – пробормотал Стивен.

– Глори, Глори, смотри на меня. Мне в глаза, – потребовал шериф. – Они здесь.

– Мертвые? – догадалась миссис Кёртис.

– Да, боюсь, их лампы погасили. И поверь мне, на это лучше не смотреть – зрелище такое, что ты всю жизнь будешь пытаться забыть его.

– Но ты же видел!

– Я видел и кое-что похуже. – «Я и делал кое-что похуже», – добавил шериф про себя и продолжил: – И вот что. Я чертовски зол из-за того, что ты поднялась сюда, когда тебе было сказано оставаться внизу, но,

возможно, закрою на это глаза, если ты послушаешь меня сейчас. – Он взял лицо супруги в ладони. – Уходи отсюда. Спускайся вниз. Иди.

Глория спустилась по лестнице, и Иезекиль, проводив ее взглядом, подошел к Стивену.

– Да что с тобой такое? – накинулся он на проповедника. – Ты о чем думал?! Моя жена едва не увидела это... Черт, так бы и сбросил тебя с крыши!

Но Коул не слушал и только смотрел во все глаза на трупы и залитый кровью снег вокруг них.

– Кто, по-твоему, мог сотворить такое? – вырвалось у него.

– Плохие люди. Похоже, здесь орудовали парой «арканзасских зубочисток»⁵. Мерзкая работа. Наверное, боялись, что выстрелы могут вызвать сход лавины и тогда они не выберутся из низины.

Стивен шагнул к мертвецам, но Иезекиль схватил его за плечи и заставил отступить.

– Их пока лучше не трогать, – сказал он жестко. – Чем ты им поможешь?

Проповедник кивнул. Руки у него дрожали, но он старался держаться.

– Так стоит ли удивляться, Зек, что Он ненавидит нас? – спросил Коул внезапно.

⁵ «Арканзасская зубочистка» – тяжелый кинжал с длинным прямым лезвием.

– Кто?

– Бог.

– Подожди. Ты хочешь сказать, Бог ненавидит тех, кого сам же и сотворил?

Стивен кивнул в сторону жуткой сцены.

– А ты не согласен?

Глава 20

Открыв свой единственный подарок на Рождество 1893 года, Гарриет Маккейб с воплями забежала по их скромному, десять на десять ярдов, домику, в котором она жила с родителями. Это был, несомненно, самый экстравагантный подарок из всех, что она когда-либо получала, и ее мать сэкономила на трех последних семейных продовольственных заказах, чтобы купить ей куклу из витрины магазина. Саманта была шестнадцати дюймов ростом и шла в комплекте с двумя платьями и маленькой щеткой для роскошных рыжих волос.

– Теперь понятно, почему нам на ужин лепешки вместо мяса давали, – проворчал Билли, переживавший тяжелое похмелье на комковатом, набитом соломой матрасе.

– Ради доброго дела можно чем-то и пожертвовать, – сказала Бесси. – Ты посмотри на нашу дочку. Когда ты видел ее такой счастливой? Разве тебе самому не приятно?

Гарриет сидела на земляном полу у раковины – обычного тазика на перевернутом упаковочном ящике – и уже нашептывала Саманте свои девчоночьи секреты.

– Горит плохо, – пожаловался ее отец. – Выйди на крыльцо, принеси дровишек. По этой чертовой халупе сквозняки всюю гуляют.

– Билли! Выбирай выражения! – возмутилась миссис Маккейб. – Сегодня Рождество, и твоя дочь...

– Иди, я сказал!

Бесси ничего не оставалось, как завернуться в одеяло и сунуть ноги в башмаки мужа. Когда она вышла, Билли сел на кровати и потянулся. Он был мал ростом и выглядел младше своих двадцати лет. По этой причине, да еще из-за нервно бегающих, пугливых глазенок большинство мужчин обращались с ним, как с мальчишкой. Вообще-то этот молодой человек был даже смазливый, пока не открывал рот. В девять лет отец сломал ему передние зубы, после чего они напоминали собачьи клыки.

Он встал на стылый земляной пол. Голова гудела. Утренний холод легко проникал сквозь его заляпанные, ветхие кальсоны.

Покачиваясь, Билли добрал до накрытого клееной стола, на котором еще остались кое-какие прибереженные на Рождество вкусности. Он открыл банку сардин в горчичном соусе, выловил парочку и отправил в рот, а потом проковылял к единственному окну и откинул занавеску, сшитую Бесси из старой нижней юбки. Замерзшее изнутри окно скрыло от него внеш-

ний мир. На подоконнике стояла наполненная ракови-
нами бутылка из-под виски. Маккейб провел пальцем
по стеклу и подумал о своем старшем брате, Арноль-
де. От этой мысли к горлу у него подступил комок, а
дыхание перехватило, как будто кто-то врезал ему ку-
лаком под дых.

Билли повернулся и посмотрел на дочь.

– Веселого Рождества, малышка.

Шестилетняя девочка посмотрела на него исподло-
бья, настороженно, и этот взгляд отозвался в нем пе-
чалью и раздражением.

– У меня тут подарок для твоей мамы...

Глава семейства наклонился, сунул руку под кро-
вать и достал что-то размером с буханку хлеба, за-
вернутое в газету. Потом подошел к маленькой елоч-
ке, которую они выкопали на холме над домом. Бесси
посадила деревцо в жестянку из-под жира и постоян-
но поливала, но его иголки все равно начали желтеть.
Мужчина положил сверток под елку и снова посмот-
рел на дочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.